

РОШАНИ ЧОКШИ

ПОСЛЕДНЯЯ
СКАЗКА
ЦВЕТОЧНОЙ
НЕВЕСТЫ

Лучшие мировые ретеллинги

Рошани Чокши

**Последняя сказка
цветочной невесты**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Чокши Р.

Последняя сказка цветочной невесты / Р. Чокши — «Эксмо»,
2024 — (Лучшие мировые ретеллинги)

ISBN 978-5-04-200615-9

Однажды человек, веривший в сказки, женился на красивой и таинственной женщине по имени Индиго Максвелл-Кастеньяда. Он был учёным. Она — наследницей несметных богатств. Они верили, что будут жить долго и счастливо. В обмен на свою любовь и своё состояние Индиго просила лишь об одном: её жених никогда не должен копаться в её прошлом. Но когда они прибывают в дом детства Индиго, чтобы проститься с её умирающей тётей, жениху приходится бороться с искушением, которое сильнее него. В пышных залах старого поместья, которое зовётся Домом Грёз, мелькает тень другой девушки: названной сестры Индиго, которая давным-давно загадочным образом исчезла. Дом Грёз постепенно раскрывает мрачные тайны Индиго, стирая грань между реальностью и фантазией. И жениху предстоит узнать, что скрывала его любимая за запёртыми дверями своего прошлого, даже если это приведёт к окончанию их брака... или их жизней. Чарующий готический ретеллинг «Синей бороды». Красивая и мрачная история, переплетающаяся с мифологией, легендами и сказками всего мира. Дебютный роман автора для взрослой аудитории, размывающий грань между магическим реализмом и психологическим триллером. Хвалебные отзывы Виктории Шваб, Холли Блэк, Шеннон Чакраборти и Хлои Гонг, рекомендация Хелависы, лидера культовой фолк-группы «Мельница». Невероятные обложка и форзацы от популярной художницы Тани Дюрер.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-200615-9

© Чокши Р., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвёртая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	29
Глава седьмая	33
Глава восьмая	39
Глава девятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Чокши Рошани

Последняя сказка цветочной невесты

Copyright © 2023 by Roshani Chokshi

First published by HarperCollins Publishers

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

© А. Сешт, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

© А. Сешт, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

*Аману, ради которого я готова сносить пару железных башмаков,
и Ниву, чья дружба – самый редкий вид волшебства.*

*Мифы – лишь ложь, пусть даже ложь посеребрённая.
К. С. Льюис*

Пролог

Ты предупреждала меня, что, если я узнаю твою тайну, это нас уничтожит. Сначала она расположилась в нашем браке, словно синегубый призрак, едва заметный, если только игра света не привлекала к нему внимания. Но ты всегда могла понять, в какие дни тайна терзает мои мысли. Ты пыталась меня успокаивать. Гладила по лицу и прижимала мои пальцы к своему сердцу.

Говорила: «Если будешь совать нос не в своё дело – уничтожишь наш брак».

Но ты солгала, любовь моя.

Глава первая Жених

Однажды давным-давно Индиго Максвелл-Кастеньяда нашла меня.

Долгое время я был потерян, и во тьме мне даже стало комфортно. Не думал, что кто-то сумеет меня выманить оттуда. Но Индиго была из тех созданий, что могут охотиться по одному лишь запаху, а зловоние моего отчаянного желания, должно быть, оставляло дразнящий флуоресцентный след.

До Индиго я избегал мест, где деньги скорее являлись пышным зрелищем, нежели средством оплаты. Места эти были слишком шумными и грубыми, такого я придерживался мнения – потрёпанные, но крепкие доспехи бедняка. В те дни я был беден, но обрёл богатый опыт, и на этом основании выступал приглашённым куратором в *L'Éxposition Des Femmes Monstrueuses*. Выставка привела меня в Париж за чужие деньги и в конце концов – в Hôtel de Castañada.

Когда-то отель был королевскими апартаментами Людовика Четырнадцатого и Марии Антуанетты, а теперь входил в рейтинг лучших отелей мира. Сводчатый потолок – как мне сказали, реставрация подлинника фресок – всё так же изображал равнодушных мускулистых богов, возлежащих среди златобрюхих облаков. Стены были увиты плющом, сквозь который скалящиеся лица каменных сатиров смотрели и тяжело дышали на гостей.

Всем известно, что каждый из отелей сети Castañada был посвящён некоему сказочному мотиву. Я предполагал, что этот был данью уважения *La Belle et la Bête* – «Красавице и Чудовищу» – авторства Габриэль-Сюзанн Барбо де Вильнёв. И пусть мне не хотелось признавать, но было в нём что-то иномирное. Здесь было так прелестно, что я почти сумел игнорировать толпу моделей и диджеев, краснолицых бизнесменов и всех прочих блестяще одетых и кажущихся примитивными созданий, которых притягивали подобные места.

– Сэр? – Рядом возникла стройная темнокожая официантка. Вот уже второй раз она останавливалась у моего столика. Я выбрал сесть в самом конце зала, чтобы держать вход в поле зрения. – Вам точно ничего не принести?

Я глянул на меню рядом с беспорядочным ворохом записок, которые подготовил на вечер. Цена коктейлей начиналась от пятидесяти евро. Я улыбнулся официантке, поднимая наполовину опустошённый бокал с водой, и постучал по пустому блюду из-под бесплатных орехов со специями.

– Может, ещё порцию этого? – уточнил я. – Мой гость, должно быть, опаздывает.

Официантка выдавила лёгкую улыбку и удалилась, не обронив больше ни слова. Она наверняка подумала, что я солгал, сказав, что жду кого-то. Да я и сам не верил, что предполагаемый соблаговолит со мной встретиться.

После нескольких месяцев поисков гримуара тринадцатого века я нашёл зацепку, ведущую к частной коллекции семьи Кастеньяда. Поначалу мои просьбы взглянуть на экспонат оставались без ответа. Неудивительно. Я был хорошо известен в научных кругах как историк-медиевист, интересующийся сохранностью инкунабул¹. Мне было нечего терять, кроме времени. Потому я написал письмо, часами стоял у факса, отправляя его в офисы семьи Кастеньяда по всему миру. Потерял небольшое состояние на междугородных звонках, пока наконец не получил сообщение за неделю до моего отбытия в Париж.

«Можете встретиться со мной в отеле седьмого ноября. Восемь вечера.

И. М. К.»

¹ Инкунабулы – книги, изданные в Европе на заре книгопечатания. С латыни само слово *incunabula* переводится как «колыбель» или «начало». (Здесь и далее – примечания переводчика.)

И. М. К. Индиго Максвелл-Кастеньяда. Наследник состояния семьи Кастеньяда.

Я ничего о нём не знал и предпочёл бы, чтобы это так и оставалось. Никогда не понимал этого повышенного интереса к богатым и знаменитым и тому, чем они живут. Вся эта неприкрытая жажда их жизни, тихое изумление совпавшими датами дней рождения... Я предпочитал иные фантазии.

Я проверил часы: 8:45 вечера.

Может, он забыл о нашей договорённости? А может, уже пришёл и просто заканчивал с предыдущей встречей?

Я почувствовал на себе чей-то взгляд с другого конца зала. В двадцати футах сидела пара за отдельным огороженным столиком, похожим на золотую птичью клетку. Мужчина поймал мой взгляд и усмехнулся.

– Алмазный мартини для дамы! – воскликнул он, прищёлкнув пальцами.

У мужчины была копна жёлтых волос, а голова выглядела слишком тяжёлой для его шеи. Он отдалённо напоминал тающую свечу. Рядом с ним сидела женщина, пышная и чувственная, как храмовый рельеф.

Бармен подошёл к их огороженному столику, толкая перед собой стеклянную тележку с коктейльными принадлежностями, и тотчас же начал отмерять, разливать, трясти. За ним следовал темнокожий, строго одетый мужчина с бархатной шкатулкой. Ювелир. Мужчина открыл шкатулку, в которой обнаружилась целая россыпь бриллиантов.

– Выбери, – сказал женщине желтоволосый мужчина. – Бриллиант твой.

Женщина указала бледным пальцем на самый яркий бриллиант самого большого размера. Бармен протянул ювелиру холодный матовый бокал мартини, и тот бросил в напиток выбранный бриллиант. Камень утонул, словно упавшая звезда.

– *À votre santé*², – проговорил ювелир, когда бармен удалился, громыхая тележкой.

Женщина, всё ещё усмехаясь, подняла руку, словно собиралась выловить камень пальцами. Старик рядом с ней схватил её за запястье...

– Я сказал, что бриллиант твой. Но не сказал, что ты можешь достать его из грёбаного бокала.

Она казалась уязвлённой, подняла взгляд на мужчину, сузив глаза.

– Я, чёрт возьми, серьёзен, – со смехом заявил он. – Если уж так сильно его хочешь – можешь покопаться в утреннем дерьме.

Женщину, очевидно, переполняло отвращение. На миг мне показалось, что она выплеснет напиток ему в лицо. Наши взгляды встретились через зал. Она осушила бокал одним глотком, вместе с бриллиантом. А потом вызывающе вздёрнула подбородок, и её взгляд был полон отвратительного узнавания: *«Ты – голодная добыча. Как и я»*.

Я хорошо это скрывал, но она была права: я всегда был голоден. Один миг либо безумия, либо тайны воплотил мою жизнь. И с тех самых пор я искал доказательства невозможного и посвятил всю жизнь выкармливанью этой страсти.

Веером я разложил страницы на мраморном столе, изучая свои записи для выступления на следующей неделе, посвящённого мифу о Мелюзине. На распечатке передо мной была изображена Мелюзина со спутанными волосами до пояса, крыльями летучей мыши и свёрнутым кольцами змеиным хвостом. Её руки были стиснуты в тихом ужасе, словно она цеплялась за последние осколки благородного изумления, прежде чем покинуть своего мужа за его предательство.

Мелюзина была известна благодаря труду Жана д'Аррасса четырнадцатого века. В зависимости от первоисточника, она была кем-то вроде русалки или сирены. Однажды на лесной поляне её встретил дворянин и умолял выйти за него замуж. Мелюзина согласилась, но при

² Ваше здоровье (фр.).

одном условии: он никогда не станет подглядывать за ней, когда она купается. Дворянин согласился, и некоторое время они были счастливы. Но в конце концов его стало переполнять любопытство, и однажды он подглядел за супругой, когда та купалась, увидел её истинную природу и потерял её навсегда.

Меня всегда завораживали эти не вполне женщины – сирены или русалки, киннары или селки. Мир, казалось, не мог решить, проклинать их, желать или прославлять. Они были прокляты как напоминание о похоти, и тем не менее Дом Люксембургов с энтузиазмом заявлял о своём происхождении от противоестественной родственной линии с Мелюзиной, а в часовне одиннадцатого века, расположенной в Даремском замке, жила русалка, вырезанная из камня. Сотни лет назад какой-нибудь язычник, возможно, зашёл в эту часовню, чтобы спрятаться от холода, и увидел в этой резьбе знак. Своего рода пароль, что даже в этом странном месте и странной религии заключено что-то знакомое... Даже если создание – сам дьявол.

– Сэр?

Я поднял взгляд, готовый признать перед официанткой поражение и уйти, когда увидел, что она держит поднос с двумя напитками. Женщина протянула мне конверт:

– Подарок от другого гостя.

Напитки выглядели одинаковыми – виски цвета тёмного янтаря с идеальной сферой льда. Я открыл письмо.

«Напиток слева наполнит ваш желудок до конца дней, но тогда вы сможете говорить только правду.

Напиток справа вызовет в вас голод пуще прежнего, но отшлифует каждую ложь, что сорвётся с ваших уст».

Я окинул взглядом зал, почувствовал странное щекочущее жжение, поднимавшееся от основания черепа. И прежде чем потянулся к бокалу справа, я представил, как языка касается колдовской напиток. И глотнул. На вкус виски был словно раскалённый нож – обжигающий, металлический.

А через несколько мгновений я услышал тихий смех. Повернулся на стуле и тогда впервые увидел Индиго Максвелл-Кастеньяду. И это оказался не мужчина – женщина.

Она стояла, прислонившись к стене, в каком-то десятке футов от меня, облачённая в платье-футляр из гофрированного тёмно-синего шёлка, которое словно обливало её фигуру. На её шее и в ушах поблёскивали сапфиры. На запястьях сверкало серебро.

Она двигалась легко. Я бы сказал, нежно и спокойно, словно олениха сквозь снег. Но грация Индиго была сдержанной, выверенной, словно она знала, что люди вроде неё могут подчинить мир под ногами, и не хотела ранить его ещё сильнее.

На первый взгляд Индиго была привлекательной. Она не казалась потрясающей, пока не присмотришься, не заметишь, как она держит себя, или точнее – как её держал сам свет. Словно она была драгоценностью. Её кожа отливала тёмной бронзой, глаза были большими, тёмными, нос – чуть курносый, а изгиб губ казался необычным – нижняя губа была не такой полной, как верхняя. Эта асимметрия завораживала меня.

Она подошла к моему столику, заняла стул напротив и провозгласила:

– Я – Индиго, а *вы* предпочли остаться голодным. – Голос у неё был низким, богатым интонациями. Меня постигла восхитительно абсурдная мысль, что каждый слог был пропитан ониксом и аккордами музыки. – Почему?

– Выбирая между двумя вариантами, я, возможно, не проживу долго без еды, но не смогу жить без иного.

Она улыбнулась.

Некоторые люди похожи на порталы, и когда узнаёшь их, мир кажется шире. В присутствии Индиго горизонты моего мира расширились. Стали ярче. Было в ней нечто такое, что

заставляло взгляд задержаться. Дело было даже не в её красоте – она словно накладывалась поверх зала, как мираж, который вот-вот исчезнет, стоит только отвернуться.

– А что бы вы посоветовали выпить мне? – спросила она.

Эта лёгкость, этот обмен пустяковыми фразами с Индиго Максвелл-Кастеньядой просто не мог быть реальным. И потому я сказал откуда-то из глубин собственного неверия, по прихоти:

– Я надеялся, они могут подать нам нечто менее человеческое. Возможно, амброзию, если у них найдётся.

– Её так тяжело найти?

– Трудновато. Древние индусы полагали, что она водится на дне океана с космическим молоком.

– Море слишком далеко, – сказала Индиго с мелодичным вздохом, который я почувствовал кожей. – Может быть, жидкое золото? Или это не слишком вкусно?

– Диана де Пуатье, знаменитая фаворитка Генриха Второго, пила золото, чтобы сохранить юность.

– Сработало?

– Предполагается, что от этого она и умерла, а значит, в самом деле не постарела.

Индиго рассмеялась. Я уловил аромат её духов. Кажется, она должна была пахнуть амброй и цветущим в полночь жасмином, но её духи были по-юношески милыми, с нотками аромата синтетического сладкого зелёного яблока, который ассоциировался у меня со старшеклассницами. На Индиго этот запах казался прикрытием, словно волк втирал овечий жир в свой мех в целях маскировки.

Она прищёлкнула пальцами, и появился официант с двумя бокалами шампанского.

– За надежду, – проговорила Индиго, чокнувшись со мной бокалом. – И за все те прекрасные способы, помогающие забыть о её фатальности. – Спустя глоток она посмотрела на меня поверх бокала. – Вы разве не испытываете голод?

Изголодавшаяся часть меня содрогнулась.

– Всегда.

– Хорошо, – отозвалась Индиго.

Нам понесли блюда – баночки с икрой в серебряных чашах, наполненных льдом; перепелов, тушенных в гранатовой патоке и вине; каре ягнёнка, настолько сочное, что мясо без труда соскальзывало с костей.

Индиго не упоминала о моей просьбе взглянуть на гримуар из её личной коллекции. Вместо этого она начала с вопросов, какой, на мой взгляд, будет на вкус вечность, в каком сезоне мне бы хотелось прожить десять лет и почему. Если я начинал говорить о своей жизни, она переставала улыбаться. А когда я заговаривал о текущих событиях, она отворачивалась. Спустя около часа нашего совместного ужина любопытство достигло предела.

– Я словно обижаю вас каждый раз, когда напоминаю о реальности.

– О реальности? – повторила она с оттенком презрения. – Реальность – это то, что вы создаёте из всего, что вас окружает. А мир за границами моего собственного не может коснуться меня.

На этих словах в её голосе зазвучали нотки печали, словно она была призраком и её руки проходили сквозь предметы, до которых она прежде с лёгкостью могла дотянуться.

– Я знаю, вы чувствуете то же самое, – добавила она своим дымчатым голосом. – Я изучила вас, профессор. И даже читала ваши книги.

Когда я представил, как Индиго скользит своим изящным пальцем по строкам моих фраз, то почувствовал себя нагим и уязвимым. Она даже не прикасалась ко мне, но я уже знал, какой будет её кожа на ощупь.

– Вас завораживает мир, который мы не можем увидеть. Создания, которые, возможно, жили, но теперь остались только в сказках. Думаю, именно поэтому я хотела встретиться с вами. – На её лице отразилась застенчивая мягкость. Индиго помедлила, чуть надула полные губы, прежде чем продолжила: – Видите ли, я хочу жить определённым образом и беседую с компаньонов для такой жизни.

Каждый раз, когда я вспоминал нашу первую встречу, я думал, что слово «соблазн» происходит от «соблазнителя», того, кто отводит в сторону с пути. Но Индиго не отвела меня в сторону – скорее, она отодвинула мир, в котором я жил всегда, и показала мне, как жить в ином мире. Она безошибочно увидела мой нагой голод и улыбнулась. Её стул со скрипом отодвинулся, когда она наклонилась через стол. Огни свечей танцевали, вызолотив её кожу. Она стала вопросом, а ответ, который она разглядела в моём лице, заставил её сократить расстояние меж нами и поцеловать меня.

В её поцелуе были заключены чудеса – трепет крыльев стрекозы и тайнства алхимии. Её язык был призраком спелых слив и забытых стихов. Я был так заворожён, что едва заметил, когда она куснула. А когда отстранился, увидел, что её зубы чуть потемнели.

И только тогда понял, что она пустила мне кровь.

Глава вторая

Жених

Я был уверен – Индиго покинет меня в тот же миг, как только я перестану её развлекать. И уже представлял себе свою полуночную прогулку в дешёвое студенческое общежитие в Латинском квартале. Наверное, прожду целый день у городского телефона и никогда не увижу её и не получу от неё весточки. И уж тем более не представится случая ни поговорить, ни тем более похвастаться этой встречей – мне попросту никто не поверит.

Другого мужчину это могло бы свести с ума. Но я больше двадцати лет посвятил тому, чтобы примириться с беспросветным пространством между тем, что не желаешь принимать за правду, и тем, что совершенно точно есть ложь.

Вот, например, когда-то у меня был брат.

Даже теперь я мог воссоздать в памяти запах задутых днерожденных свечей, грубый хлопок маминого платья, туго обтягивающего её живот. Именно в тот день она сказала, что растит для меня друга.

Я был ребёнком, и эта мысль мне так понравилась, что я пытался выращивать других друзей, чтобы нам с братиком никогда не было одиноко. Я высаживал кроссовки, книгу и свисток. Со временем, я полагал, они станут воином, сказителем и музыкантом.

Когда братик родился, мама учила меня, как поддерживать его голову, когда я брал его на руки. Меня восхищала тёплая тяжесть этой головки, завитки волос, словно выгравированные по ней. Брат пах молоком и пылью.

– Теперь он твой, – проговорила мама своим мягким голосом, похожим на розовые лепестки.

В тот день я вырос, стал выше. Или возможно, выросла сама моя душа, пытаюсь создать как можно больше пространства, чтобы вместить в себя брата.

Расти вместе было бесконечным приключением. Были квесты в лесу, игры в пиратов, прятки, когда наш отец делал вид, что не видит нас под кроватью. Однажды на день рождения мама подарила мне книгу сказок. Именно тогда я впервые узнал о порогах, особых местах, где мир смертных истончался, переходя в царство фейри. Пороги могли выглядеть как угодно – дверь в покрытом граффити переулке, тёмная тень под яблоней. Или самая обыкновенная кладовка.

Я таскал с собой эту книгу повсюду. Иногда даже прятался в большом кедровом шкафу в конце коридора, чтобы почитать её. Мне нравилось присаживаться на корточки на тёплой древесине, с фонариком на коленях, и рукава шуб располагались у меня на плечах, словно ручные птицы. А больше всего мне нравилось находить то, что было потеряно – и могло быть найдено – в недрах шкафа. Шляпы, которые кто-то клал не туда, пенсы, левые перчатки, случайный ключ.

Я там тоже кое-что потерял, хотя так и не сумел понять, что именно.

Однажды, когда мне было семь, я увидел, что двери шкафа кто-то оставил распахнутыми. Я позвал брата, полагая, что он внутри, дожидается меня. Он частенько залезал в шкаф и садился у моих ног, пока я читал ему сказки в свете фонарика. Нам нравилось представлять себе, что гладкая стена шкафа – это потайная дверь к фейри.

Я звал его снова и снова. Наконец я пошёл в кухню и спросил маму, куда же он делся.

Она обескураженно заморгала.

– Милый, о чём ты? У тебя же нет братика.

Поначалу я ей не поверил. Я искал его одежду, его игрушки. Искал отпечатки его грязных ладошек на стене, когда он влез в банку с вареньем. Искал насечку на дверном косяке,

оставленную там, когда он умолял посмотреть, сильно ли он вырос. Всё исчезло. И у меня не осталось выбора, кроме как поверить матери. И теперь, хотя годы сгладили воспоминания, в некоторые дни я не могу решить – это правда, которую я не могу принять, или ложь, которую не могу отпустить?

Отсутствие моего брата, настоящего или воображаемого, жило внутри меня. Из-за него я стал буквально одержим поисками доказательств существования невозможного. Я окутывал этот поиск полуреспектабельностью сравнительной мифологии и фольклора, но нужда всё так же гнала меня.

До Индиго я был потерян в этом поиске, сокрытый в собственных мыслях. Но она увидела что-то во мне. Нечто такое, что превратило её поцелуй в нож, вырезавший меня из плена тьмы.

В сказках поцелуй отмечает порог: между проклятием и исцелением лежит поцелуй. Но не все поцелуи исцеляют; некоторые – убивают. Порог, в конце концов, ведёт в обе стороны. Я не думал об этом, когда Индиго повела меня к себе под светом люстр её парижского отеля. Тогда я лишь хотел пленить её смех под стеклом. И тогда я не различал, что он был полон зловещего торжества.

Индиго отстранилась, прерывая наш поцелуй, и откинулась на спинку стула. И снова в наше пространство вторгся сверкающий мир бара Кастеньяда. Теперь всё в этом месте раздражало органы чувств, от электронной музыки в стиле лаундж до смутного запаха сигарет и одеколona.

Индиго поднялась, чтобы уйти, и я уже приготовился к тому, что меня покинут. Она полезла в миниатюрную чёрную сумочку и достала единственный ключ.

– Пойдёмте со мной, – проговорила она.

Как будто я мог поступить иначе.

Я последовал за ней, минуя сияющий бар, бархатные стулья, сверкающие над головой люстры, прошёл в холл отеля. Здесь было прохладно и пусто. Кругом только сводчатые потолки и молочный мрамор, резко контрастирующий с ярко-алым парчовым ковром, расстилавшимся по полу кровавым следом. Индиго повела меня к лестнице из золота и железа, а потом – в отдельный холл, где стоял, сцепив руки, швейцар в красном пиджаке.

– На этот раз я справлюсь сама, – сказала Индиго.

Светлокожий швейцар вскинул голову. Нажал единственную кнопку, и открылся частный лифт, искусно замаскированный под высокую потрескавшуюся картину, на которой была изображена дриада Дафна, пойманная в процессе превращения в лавровое дерево.

Как только мы оказались наедине, Индиго приблизилась. Она была высокой, и всё же ей пришлось поднять голову, чтобы встретиться со мной взглядом. Она положила ладонь мне на ремень и спросила:

– Вы знаете историю Эроса и Психеи?

Лифт начал подниматься, как и её пальцы.

– Да, – ответил я, и её пальцы замерли. Она хотела, чтобы я рассказал эту историю, что я и сделал. – Бог любви полюбил Психею, смертную принцессу, чья красота могла сравниться с красотой самой Афродиты. Он украл её, унёс сладким ветром, укутал во тьму и перенёс к себе во дворец.

Я коснулся руки Индиго. Её кожа была горячее, словно отглаженный шёлк. Проведя большим пальцем к запястью, я нащупал пульс. Спокойный, ровный.

– Эрос заставил её поклясться, что она никогда не посмотрит на него. Складывая крылья, он приходил к Психее ночью, и каждую полночь они познавали друг друга, – проговорил я, беря Индиго за руку и целуя её запястье. – Но Психея нарушила своё обещание. Посмотрела на Эроса, когда он спал, и за это предательство он покинул её.

– А что потом? – спросила Индиго.

– Потом Психее пришлось доказать, что она сумеет найти его, – сказал я. – Чтобы снова быть с ним, она переживала беду за бедой.

Шёлковое платье Индиго тёрлось о дешёвую ткань моего блейзера. Её синтетический яблочный аромат омывал меня. Я забыл о лифте, пока он не издал тихий звон, открывая двери в широкий вестибюль. Панорамные окна пентхауса Индиго обнажали украшенный драгоценностями огней Париж. В стороне белая лестница поднималась спиралью, ведя в роскошные верхние апартаменты. На основном уровне элегантную строгую комнату украшали старинные крылатые кресла, золочёные зеркала и одна-единственная белая кушетка.

– Итак, вы знаете историю в теории, – сказала Индиго, положив ладонь мне на грудь и толкнув в фойе. – Но не на практике.

Я потянулся к ней. Она отстранилась, развязала шёлковый пояс и протянула мне. Изогнула бровь и посмотрела на пол. Медленно я опустился на колени у её ног.

– Мы могли бы поиграть в богов, – проговорила она. – Что скажете... поиграете со мной?

Играть, поклоняться, следовать за ней. Мне было всё едино, и я кивнул. Она завязала мне глаза своим шёлковым поясом, всё ещё хранящим тепло её кожи.

Её губы вскользь коснулись моих.

– Не смотрите.

Индиго подняла меня, и спотыкаясь я последовал за ней. Пол подо мной менялся, от гладкой дубовой доски к дорожному шерстяному ковру. Несколько мгновений спустя Индиго потянула меня за запястье, и я упал спиной на подушки кушетки. Зашелестел шёлк. Её тёплые ноги оказались по обе стороны от моих бёдер.

– Не смотрите, – повторила она.

Я замер под ней. В первый раз её слова служили напоминанием. Во второй раз было иначе. Испытание.

Согласно сказаниям, в тот же миг, когда Психея узрела Эроса в его истинной форме, он покинул её. Но именно потому история была достойна того, чтобы быть рассказанной... ведь во тьме можно было отыскать свет.

– Не... – начала Индиго.

Я сдёрнул пояс, и она вздрогнула. Огни города раскрывали её в священных квадратах золота – изящный изгиб ключицы, родинку, маленькие высокие груди – словно лишь это было дозволено моему смертному взору.

– Вы посмотрели. – В голосе Индиго было скорее любопытство, чем обида. – Зачем, ведь вы знали, что это лишь заставит божество покинуть вас?

Я попытался взглянуть ей в глаза. Город подсвечивал её, и лицо было сокрыто в темноте, словно в космосе – целая вселенная, которую я жаждал познать.

– Чтобы доказать, что меня не страшат испытания.

– Вот как? – Она расположилась у меня на коленях.

Мои ладони, охватывавшие её бёдра, благоговейно проследовали выше, к её талии и грудям.

– Да.

Её губы коснулись моей шеи.

– А если испытание убьёт вас?

– Значит, убьёт.

Я почувствовал её улыбку кожей, её прохладные влажные зубы.

– Что ждёт нас в итоге? Когда вы переживёте все мои испытания? – спросила она, поднимаясь, притягивая меня ближе. – Скажите мне. Сейчас же.

– Благодать, – ответил я. – Вечная благодать.

После город во всём его блеске был для меня потерян. В тот миг я знал, что буду любить Индиго вечно.

Но ещё не знал, какую придётся заплатить цену.

На следующее утро Индиго взяла меня с собой, показать свою частную коллекцию. После двадцати минут езды её чёрный автомобиль остановился у арки из кованого железа. По обе стороны плющ и глициния душили высокие каменные стены. Большой ухмыляющийся полумесяц свисал с ворот, словно Индиго сорвала его с неба и хранила в качестве трофея.

Наполовину скрытая под плющом табличка гласила: LE MUSÉE DE LA BEAUTÉ PERDUE. Музей утерянной красоты.

Мы выбрались из автомобиля, и я прошёл за Индиго по усыпанной белым гравием дорожке в маленький лабиринт, где серафимы цвета слоновой кости пристроили свои крылья на изгороди высотой до плеча.

В конце лабиринта показался большой особняк. Снаружи он выглядел ржавым и позабытым, словно единственным его предназначением было подпирать шпалеры для чайных роз. Но внутри он оказался изящным, современным. Стены галерей были безупречно чисты, чтобы не отвлекать внимание от заключённых под стеклом фрагментов манускриптов и железных пьедесталов с диоритовыми миниатюрами древних писцов и жриц. Пара раздвижных дверей в дальнем конце зала исполняла колыбельную климат-контроля над сокровищницей редких книг.

– Вот что вы желали увидеть, – проговорила Индиго, подводя меня к застеклённому столу.

Когда я опустил взгляд, то увидел единственную вырванную страницу гримуара, богато украшенную, с иллюстрациями сусальным золотом и лазуритом. От заклинаний не осталось ничего, кроме грубого изображения солнца рядом с россыпью арамейских письмен. Скорее всего, это была всего лишь копия *Clavicula Salomonis*³ пятнадцатого века, притом не лучшая.

– Мне сказали, что когда-то здесь содержалось заклинание, позволявшее путешествовать сквозь время и пространство, – проговорила Индиго, краем глаза наблюдая за мной.

На ней была тяжёлая соболиная шуба, слишком тёплая для раннего ноября. Алые губы казались росчерком крови.

– Почему вы желали это увидеть? – спросила она.

– Иногда мне кажется, что у меня был брат, который покинул меня и отправился в другое место, – ответил я. Слова получались неуклюжими, сырыми, не привыкшие к тому, чтобы их произносили. – Я пытался найти способ жить в этом мире. И я пытался найти способ покинуть этот мир.

Во взгляде Индиго была такая уверенность, которой мне хотелось верить свою жизнь.

– А теперь?

– А теперь я желаю лишь остаться.

Индиго улыбнулась, хотя на доли мгновения её лицо стало пустым. А потом даже отразило некую одержимость. Я знал такой взгляд. Пусть она улыбалась мне, но она тоже искала это заклинание по какой-то причине.

«Кого же ты искала? – подумал я. – От чего пыталась сбежать?»

Индиго поцеловала меня. Я снял с неё шубу, разложил на полу под нами. И вскоре её отрывистые тяжёлые вздохи изгнали все вопросы, терзавшие мой разум. Возможно, в тот день я вступил в её мир, но вскоре она стала целым миром для меня.

В царстве Индиго дни могли начинаться с пикников в Jardin des Rosiers и завершаться на носу сверкающей яхты посреди Адриатики. По вечерам давались частные концерты, а ночи были полны игр. Тогда мы по очереди играли в чудовищ и смертных, в гротескное и божественное. Но по крайней мере, теперь, где бы мы ни были, мы никогда не бывали одиноки.

³ «Ключ царя Соломона» – один из самых известных гримуаров, в котором содержались сведения о демонологии и гоетии.

– Я желаю начать с тобой нечто новое, – сказала Индиго несколько месяцев спустя. Мы лежали в кровати, глядя, как закат стирает очертания города. – Новую главу. Новую историю. И больше никаких подглядываний на предшествующие страницы. Сможешь с этим смириться?

На тот момент у меня были смутные представления о жизни Индиго до нашей встречи. Её родители умерли, когда она была совсем юной, и её растила тётушка, с которой она больше не общалась... грустно и странно, но ещё более странным казалось, что у неё вообще было прошлое.

Индиго была так похожа на сказки, которые любила, что я подозревал, будто она сама была сказкой. И сколько бы раз я ни касался её, сколько бы ни брал её, ни обнимал – неважно. Она была для меня фантазмом, доказательством невозможного, и потому – талисманом, защищавшим от *отсутствия*, преследовавшего меня всю мою взрослую жизнь.

Я знал, чем заканчивались эти сказки. Знал, что её условие граничит со священным, и если я пересеку границу, то лишусь всего её волшебства.

И я согласился.

– Да. Я смогу с этим смириться.

Это было ложью, которую я держал в тайне даже от себя самого.

Глава третья

Жених

Есть два вида любви: одна рождается из улыбок, вторая – из криков. Наша родилась из второго. Я был очарован Индиго с первого мига нашей встречи, но должен признаться, что не любил её по-настоящему до нашей первой брачной ночи, которая обратилась кошмаром.

Воскресным утром под сенью дубовой рощи, под навесом бледных орхидей мы с Индиго поженились. На ней было длинное платье цвета кости, небольшая диадема из плюща и белых анемонов. Она сказала, что в нашем браке не будет никого, кроме нас, и потому нет нужды в свидетелях. У немногочисленных присутствующих – священника и трио музыкантов – были завязаны глаза. Когда церемония завершилась, а бумаги были подписаны, мы отправились на самолёте Индиго на её виллу, расположенную среди холмов Тосканы. Именно там, после пира из дикого, фаршированного яблоками кабана и нескольких бокалов красного вина, такого тёмного, что оно казалось почти чёрным; после того как слой за слоем я обнажил тело Индиго, очерчивая след кружев на её коже... мой кошмар настиг меня.

Много месяцев я считал, что исцелился. Верил, что кошмар не дотянется до меня, пока я спал в постели Индиго. Я ошибался.

Мой кошмар всегда был одним и тем же.

Я обнажён и окружён теньями. Тьма становится твёрдой. Окутывает мои колени, охватывает грудь. На ощупь она как бархат и пахнет лаком для дерева.

Поначалу это похоже на ласку. Но уже в следующий миг – нет. Давление на грудь возрастает, мне становится всё тяжелее, пока тени не накрывают мои глаза и нос, не размыкают мои зубы и не вливаются мне в рот. Лёгкие горят, и воздух полон ткани...

С криком я проснулся.

Открыв глаза, я увидел Индиго – подперев голову локтем, она наблюдала за мной. Наша большая комната была погружена во мрак; из приоткрытого окна раздался крик павлина, нарушивший тишину. Конические свечи, которые Индиго зажгла в нашу брачную ночь, окружали нас хрупким золотистым светом. В их сиянии её непоколебимый взгляд напоминал мне всезнающий взор иконы в соборе.

Я лежал, тяжело дыша, сгорая от стыда. Попытался пошевелиться, но Индиго упёрлась свободной ладонью мне в грудь, прижала. Взяв мою дрожащую руку, она поднесла мою ладонь к своему горлу и удерживала так, медленно дыша, вытягивая меня из кошмара, пока все мои ощущения не сконцентрировались на нежной перкуссии её пульса под пальцами. И тогда она села – волосы накрыли её груди, простыни драпировали её талию – и другой рукой коснулась точки, где мой собственный пульс стучал под покровом кожи.

Индиго не произнесла ни слова, но наши сердца бились в едином ритме. И этот ритм говорил: *«Вот язык живых, и я живу рядом с тобой»*. Говорил: *«Мне это тоже ведомо, и я могу разделить это с тобой»*. За много лет многие мои любовницы пытались утешить меня после кошмара. Успокаивали, ласкали. Некоторые даже пели. То, что делала Индиго, было ближе к молитве – тело и голова склонены. Ночью она была совсем иным созданием. Уязвимым, откровенным. В ту ночь я уснул под стук её сердца.

Впервые за много лет я познал утерянный покой детства, когда осени казались бесконечными, а тайны – неслышанными, и само время обнажало своё желанное искусство. Я вспомнил, что когда-то умел приманивать и приручать целые часы, призывая их на свою сторону, и они дремали, словно спящие чудовища, пока я снова не желал, чтобы они проходили.

Безопасность была сама по себе колдовством, и чем бы Индиго ни околдовала меня теперь, за это я полюбил её.

С тех пор я узнал, что наш брак – не более чем колдовство, усиленное ежедневными ритуалами. Колдовству требовались приношения – мирские размышления, накопленные и изученные, повторение мелких неприятностей, знание о том, какой именно кофе любит твоя супруга. Брак требует всё твоё время до последних крупниц, которые ты приберегал для себя. Брак требует крови, ибо он говорит: *«Вот что заключено во мне, и я плачу тебе оброк»*.

Брак не может держаться на одних лишь откровенных ночах.

После свадьбы мы с Индиго переехали в её дом из стекла, расположенный на участке пляжа вдоль тихоокеанского северо-запада. Несколько акров земли в окружении красных кедров и тсуг⁴, раскидистых сосен и ситхинских елей, которые, казалось, с каждым днём всё ближе подбирались к океану. Несмотря на огромные размеры дома, нигде не было уединения. Лишь две комнаты запирались. Первая – наша спальня. Вторая – кабинет, который Индиго подарила мне в единоличное пользование. Их соединял коридор, который Индиго называла Галереей Чудовищ. Вдоль стен стояли бронзовые фигуры кроликов, ориксов, сфинксов, виверн, крокодилов и оленей. Я всегда проходил по этому коридору быстрее. Казалось, что от металла исходил странный запах крови.

Из гостиной я наблюдал, как Индиго двигалась по прозрачным костям нашего дома. Я знал её тающую походку, то, как она садилась в кресла и сразу же по-детски поджимала под себя ноги. Знал, как она держит ручку, каким образом расставляет тарелки и как зажигает свечи, чиркая спичкой о зубы. Наш прозрачный дом был компромиссом: я мог видеть её всю, но никогда её всю так и не познать.

Поначалу этот компромисс показался лёгким. Вскоре после нашей свадьбы я ушёл с исторического факультета и стал своего рода странствующим учёным. Публиковал статьи, иногда читал лекции, но в течение дня моей основной работой – если кто-то может назвать такой досуг работой – была роль консультанта по разработке концепций для новых и существующих объектов собственности семьи Кастаньяда.

А по ночам нас ждало бесчётное число игр. Иногда она была Тесеем, сбегаящим из лабиринта, а я – свирепым Минотавром, пытающимся запустить в неё свои клыки. Иногда я был Эндимионом, а она – Селеной, богиней луны, облачённой в серебро, которая забиралась ко мне на колени и помещала меня внутрь себя.

Как-то ночью Индиго лежала в постели рядом со мной. Я поднял её руку, изучая едва заметный полумесяц шрама на её ладони. Мои пальцы заскользили выше по её руке к ложбинке между ключицами, к изгибу щеки.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Запоминаю тебя.

Она улыбнулась.

– Зачем?

«На случай если ты вдруг исчезнешь», – хотел сказать я. Но не посмел. Когда я снова поднял взгляд на Индиго, её глаза были нежными и влажными, и в тот единственный миг я познал само строение её души.

– Если бы только я завоевал твою руку, как в сказках, – проговорил я. – Я бы принёс тебе перо жар-птицы. Поместил бы океан в скорлупу ореха. Или нашёл тебе хрустальные туфельки Золушки.

Индиго рассмеялась.

– И что мне делать с хрустальными туфельками?

– Танцевать в них, конечно же.

Иногда сказки – несколько больше, чем просто литания, описывающая акты преданности. Сёстры ткут рубахи из жалящей крапивы для своих братьев, превращённых в лебедей. Жёны

⁴ Тсуга – североамериканское хвойное дерево.

снанивают железные башмаки. Принцы забираются на горы из стекла. Я полагал, что это – вопрос воли. Что ты совершишь ради того, чтобы быть счастливым? Чтобы быть любимым?

Наша первая годовщина совпала с открытием нового дома в окрестностях Вистманс-Вуда в Девоне, в Англии. Под люстрой из оленьих рогов, перед небольшой, украшенной блеском драгоценностей толпой я преподнёс своей супруге пару выдутых вручную стеклянных туфельек, созданных мастером, которого я нашёл в городе Накано. К смеху и восторгу толпы, Индиго настояла на том, чтобы надеть их. Никогда не забуду, как она сияла – платье цвета синяков, аметистовое ожерелье на шее. Когда музыканты в своих лисьих масках заиграли первый медленный вальс, мы танцевали на площадке, декорированной как большое золочёное гнездо.

Улыбка Индиго не меркла ни на миг. Её самообладание ни разу не дало трещину. Она кивнула толпе, и гости хлынули с границ бального зала, чтобы присоединиться к нам. После первого танца я повёл её к одному из золотых столов, стоявших вокруг.

И лишь когда она села и подол её платья приподнялся, я заметил кровь, окрасившую её хрустальные туфельки. На боку была тонкая трещина.

Осторожно Индиго сняла туфельки. Два пальчика стали синими. Позже мы узнали, что кости на них были сломаны. Позже я ласкал её ступни, говорил ей слова любви и настаивал, чтобы пронести её на руках по лестнице и через весь дом.

Отвергнутые сводные сёстры из «Золушки» всегда казались мне более притягательными, чем сама героиня, и теперь я знал почему. Когда туфелька не подходила, они обрубили себе пальцы, срезали пятки, втискивали свои ступни в хрусталь и опускали юбки, чтобы скрыть боль. Возможно, в итоге принц сделал неверный выбор. Такую преданность тяжело сыскать.

«Взгляни, я вырежу себя, как нужно, чтобы вписаться в твою жизнь. Кто сделает больше?»

В посиневших пальцах Индиго и раненой коже я различал любовное послание. Да, отвратительное, но к чему бы всё ни пришло в итоге – неизменно правдивое.

Я пытался не любопытствовать о прошлом моей супруги, хотя иногда, казалось, различал его черты в её молчании. Смотрел, как она останавливается перед фотографиями, спрятанными в дальнем углу кабинета, куда она редко входила. На фото был дом из её детства, *Domus Somnia*. Дом Грёз. Обширная усадьба на острове недалеко от побережья Вашингтона. Сейчас там жила её тётушка – женщина, с которой Индиго общалась через целую сеть зрителей, ассистентов и помощников, не более того.

Я не спрашивал ни о причинах их отчуждённости, ни о Доме Грёз. Чувствовал, что эту границу не стоит пересекать. Кроме того, я знал, куда вели такие истории. Всегда находились несчастные юноша или девушка с молочной кожей, дававшие обещания, которые не смогут исполнить, и приглашающие боль в то единственное счастье, которое им довелось познать.

Кто-то может сказать: какая неблагодарность, какая глупость. Но они нас не знают. Не знают ни форму наших сердец, ни холодные руки, которые их слепили.

Это мы привыкли засыпать у очага, подчиняться воле острозубых сводных сестёр и братьев, стоять в лесу в одиночку, когда в нашем распоряжении лишь след из хлебных крошек, ведущий к дому. Боль нам жизненно необходима. Она пронзает саму ткань нашей жизни, в которой радость, и комфорт, и *тепло* другие сделали чуждыми и далёкими. Боль обращается к нам голосом, несущим в себе священную уверенность гимнов:

«Я знаю точно, что тебе нужно, и дарю тебе это».

Глава четвёртая

Жених

К концу третьего года нашего брака я понял, что секрет вечной любви – это страх. Страх удерживал и привязывал любовь. Без ужаса, который возникал при одной мысли о жизни без любимого человека, не было необходимости любить его.

Я пытался любить Индиго так, как ей было угодно.

Научился не задавать вопросов, когда в её остекленевших глазах отражалась затравленность, если она думала, что я не вижу. Однажды она отправилась в кино без объяснения причин. Фильм казался невинным – история двух сестёр, хотя сейчас я уже не вспомню деталей. А в другой раз я обнаружил, что она всхлипывает в саду над мёртвой птицей. Я сказал, что поеду в город и куплю ей пару птиц, если это её так расстроило. Она лишь уставилась на меня в замешательстве.

Однажды я набрёл на осколок тайны Индиго. Это оказалась прядь волос, изогнутая, как манящий палец в Галерее Чудовищ. Волосы застряли под лапой гранитного сфинкса у входа в спальню.

Сначала я просто смотрел на переплетённый локон. Сколько раз я касался когтей этого сфинкса по пути в спальню. На этот раз я провёл ладонью по желобку в районе запястья, и его лапа отъехала в сторону, открыв небольшую выемку, где и лежала свёрнутая прядь. Волосы были на ощупь прохладными, почти такими же тёмными, как у Индиго, блестящими, как шёлк. На конце косы болталась пара зубов, на одном из которых была выгравирована буква «Л».

– Что ты делаешь?

Я быстро сунул прядь обратно в выемку, но слишком поздно. Индиго стояла на другом конце коридора. От дождя её волосы слиплись. В воздухе разливался запах металла и озона, и на миг я подумал, что гроза, бушевавшая за окном, проследовала за ней в дом.

– Они торчали, – ответил я. – Я подумал...

– Ты совал нос не в своё дело, – сказала Индиго, и её голос был холодным от ярости. – Ты же знаешь, тебе нельзя.

– Это вышло случайно, Индиго, – возразил я, сделав к ней шаг. Она дрожала, и я надеялся, что это от холода. – Давай забудем об этом. Это было ошибкой.

– Я тебе не верю, – сказала она. – Я же велела тебе не лезть не в своё дело.

– Я – всего лишь человек, Индиго, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал беспечно. – Только не говори, что бросишь меня из-за преступления смертных случайностей.

На этих словах она замерла. В тот миг я не узнавал её – то, как белки её глаз почти сверкали, как напряжена была её челюсть.

– Я боюсь тебя, – тихо проговорила она. – Ты ужасаешь меня, и потому я знаю, что люблю тебя... но ты меня совсем не боишься, не так ли?

Не проронив больше ни слова, она оставила меня в Галерее Чудовищ. И я не пошёл за ней. Сказал себе, что она слишком остро реагирует, а собственное чувство вины лишь укрепило меня в этой мысли.

В тот день я занимался своими делами, выкинул из головы браслет из волос и зуб с резьбой, хотя не мог перестать думать о восхитительной температуре волос, лишь на несколько градусов прохладнее волос самой Индиго. Я избегал Галереи Чудовищ, даже когда мой собственный зуб – такой же клык, как тот, на котором была вырезана буква «Л», – начал болеть.

К вечеру моя гордость дала слабину. Я вошёл в столовую, готовый принести извинения. Индиго там не оказалось, а стол был накрыт на одного. Той ночью она не пришла в нашу спальню. С ней это было впервые, и я убеждал себя, что гнев пройдёт.

На следующий день было так же.

И на следующий.

И на следующий.

Я начал считать одежду в её шкафу каждое утро и вечер, пытаюсь обнаружить хоть какой-нибудь признак присутствия моей супруги, надеюсь, что она входила в нашу комнату, а я просто не знал. Часами я бродил по дому. По ночам я ходил по садам. Расспрашивал персонал, хотя они отказывались отвечать на мои вопросы.

Я оставил нашу кровать и теперь спал в гостиной. Через день я стащил подушки и одеяла в коридор перед входной дверью, намереваясь поймать её. На восьмой день её отсутствия мне начали сниться сны.

Мне снился острый запах кедра, занозы под ногтями, и кулаки были все в крови от того, что я всё стучал и стучал в дверь, которую никто не открывал. Я знал, что мой брат на другой стороне. Может быть, и Индиго была там же, или мне снова был вынесен приговор за желания.

«Вы забыли меня! – кричал я им. – Бросили меня».

Этот страх преследовал меня всю жизнь. Родители, которые и так уже были в возрасте, когда я родился, умерли, когда я ещё учился в университете. В то время я чувствовал благодарность за их уход. Не потому, что меня не опечалила потеря, а потому что теперь я был уверен – больше меня некому бросать.

На десятый день её отсутствия я проснулся от кошмара и обнаружил, что она стоит у изножья, у смятых простыней. Я стащил их в кучу в конце коридора и ждал там.

Как только я увидел Индиго, рёбра прошило ужасающее чувство облегчения.

– Ну? – спросила она.

– Я боюсь тебя, – хрипло проговорил я.

Она улыбнулась.

После этого меж нами что-то изменилось.

Я чувствовал, что в последующие месяцы её тайны обрели невероятную силу притяжения, затягивая её в иное пространство. Целыми часами она в одиночестве бродила по берегу, сидела в нашем саду среди болиголовов, паслёнов и других ядовитых цветов, вглядывалась в разные книги, не переворачивая страниц. Иногда она вздёргивала подбородок с настороженным взглядом, словно кто-то звал её по имени. Я вспоминал истории о жёнах-селки. В конце концов море всегда призывало их обратно.

Я наблюдал за ней каждый день, выискивая знаки, что наше время вместе подходило к концу, и начал замечать мелочи: то, как быстро она проходила по Галерее Чудовищ; как гладила маленький полумесяц шрама на своей ладони, переодеваясь ко сну; как ела со скоростью дикого животного, не знающего, когда в следующий раз удастся найти пищу.

Мы играли в наши игры от отчаяния. Лишь под покровами мифа мы могли разговаривать друг с другом. Только в одолженном свете сказки я мог смотреть на Индиго сколько пожелаю.

И в последнее время я начал ненавидеть наши игры.

Моя супруга по-прежнему любила меня. Я видел это в её глазах, в том, как её пальцы задерживались на моём лице, как она прикладывала мою ладонь к своему горлу и держала меня за руку в темноте, когда я просыпался от кошмара. Но спустя три года любви было недостаточно, чтобы удержать её рядом со мной.

Одним весенним утром зазвонил телефон. Тогда я ещё не знал, но именно в тот миг всё изменилось. Я сверял планы по новому проекту, а Индиго читала письма от своих благотворительных организаций. Нам редко звонили по городскому, и Индиго выглядела удивлённой.

– Да? – Она держала трубку на расстоянии. Губы сжались в тонкую линию. Ручка выпала из пальцев. Я смотрел, как она захлопнула ставни внутри себя даже прежде, чем подняла взгляд и посмотрела на меня. – Конечно, – ответила она человеку на другом конце провода.

Индиго повесила трубку.

Я ждал.

– Тати, моя тётушка, умирает, – сказала она. – Ей нужно нас увидеть. Не знаю, сколько ей осталось.

– Когда мы уезжаем?

Индиго выглянула в окно, посмотрела на море. А когда заговорила, у меня возникло ощущение, что она обращалась к кому-то, кого в комнате не было.

– Мы уезжаем в Дом Грёз завтра.

Глава пятая

Жених

Сны всегда казались мне, как учёному, разочаровывающими, если даже не ленивыми, мотивами. Это могли быть знамения или пророчества, послания или таинства. Сны могли проходить сквозь врата из рога и быть правдивы или проскальзывать сквозь врата из слоновой кости и говорить ложь. В самой своей сути грёза – это дверь.

Иногда за этой дверью нет ничего, кроме лиц незнакомцев. Иногда за дверью оказывается целый ряд обид и унижений, сорванных и сохранённых, как фрукты вне сезона. А иногда дверь – лишь часть тебя самого, которую изгнали, отсекли по причинам, что тебя заставили забыть, и лишь в снах она смеет проявить себя.

В ту ночь прежде, чем мы отправились в Дом Грёз, ко мне приходил мой брат.

Прежде он никогда не являлся мне ни во снах, ни в кошмарах. Он существовал лишь в сумерках на границе пробуждения, когда я размышлял о невозможном и откладывал его прежде, чем это увидит солнце.

В сне брат был повернут ко мне спиной и полз к большому шкафу из кедра в коридоре моих родителей. Брат, которому скоро исполнится шесть, забирается внутрь. Я кричу ему. Вижу, как его розовые пальчики скрываются во мраке. Вспоминаю о куртках в шкафу, о шерстяном отцовском пальто, которое я как-то носил по всему дому, трубя в рукав, словно я – слон. В тот миг я слышу смех моего брата.

Маленькая пухлая ручка тянется из темноты шкафа. Я иду к нему, намереваясь коснуться его, когда вдруг улавливаю лёгкий аромат яблок. Индиго тоже здесь. Она проползает мимо меня, сбросив каблуки; её бронзовая рука сжимает ладонь моего брата, и тот затягивает её в шкаф.

– Подождите! – кричу я им.

Но Индиго уже вне досягаемости. Я – лишь отметка на пути, тот, кого оставили позади засвидетельствовать происходящее. Возможно, я – дверь.

Возможно я – грёза.

Я долго изучал фотографию Дома Грёз – так часто, что узнал его сразу же. Но я недооценил тот факт, как именно Дом Грёз обрёл своё название. Я думал, дело было в претенциозности, с которой богатеи планировали строительство своей усадьбы на вашингтонском острове ещё в 1901 году. Но *Domus Somnia* прекрасно сочетался с названием.

Дом представлял собой архитектурную жемчужину в четыре этажа, сложенных из алого кирпича. Его крутые остроконечные крыши поддерживали фигуры хмурых сатиров и кариатид с тонкими талиями. Снаружи он был украшен огромными витражными эркерами. У входа были посажены розовые кусты, казавшиеся неправильными, слишком яркими – словно помада на губах трупа. Мой взгляд остановился на тонкой башенке, на окне странной формы.

Это был глаз.

Голубой, немигающий, с идеальной золотой окружностью зрачка.

На фотографии Индиго Дом Грёз казался ностальгическим в своей красоте, величественным померкшим артефактом мёртвой эпохи. Наяву Дом Грёз казался живым. Проплывающие облака создавали иллюзию, словно кирпичная кладка раздувалась и опадала. Дышала.

Я уставился на дверь из кованого железа. Со скрипом она открылась, и этот звук отозвался внутри меня болью. Я увидел пару маленьких бледных ступней, переползающих через укрытый тенями порог. Впервые за много лет мой разум пытал меня знакомыми образами – перепачканными в варенье пальцами, срывающимся смехом, букетом одуванчиков на желание.

«У тебя никогда не было брата», – сказали мне родители.

Но я вдруг понял – он был здесь. Мой брат был здесь, и если я войду в Дом, то найду его... В машине ладонь Индиго накрыла мою. Касание её кожи вернуло меня к себе. Я сморгнул. Тени вокруг Дома рассеялись, как звуки смеха.

Это был первый раз, когда Дом шептал мне. И не последний.

– Когда я была здесь в последний раз, Тати сказала мне, что рада быть слепой, потому что ей больше не придётся видеть меня, – сказала Индиго, глядя за окно.

Это было большее, что она произнесла с того звонка. Когда Индиго пребывала в одном из своих настроений, она была словно соткана из дыма, который я никак не мог удержать. Неделю назад я, возможно, упивался бы этой крупницей её прошлого. Сегодня предложение словно расставило ловушку.

– Мне очень жаль, – ответил я.

Индиго куталась в свою любимую соболиную шубу. Тёмные штаны, тяжёлые сапоги, кремовая блузка с высоким воротом, красные перчатки и норковая шапка, надвинутая на уши. На ком-то другом это смотрелось бы обычным, хоть и элегантно, зимним нарядом. Но на Индиго каждый кусок ткани был словно намеренно выставленным барьером, отделявшим её от остального мира.

– Не стоит, – отозвалась она с ничего не выражающим лицом. – Она любила меня. Всё ещё любит. – Индиго снова посмотрела на дверь из кованого железа, которая теперь была наполовину открыта, и стала свидетелем едва слышимого разговора – шофёр возвестил о нашем прибытии. – Она едва ли меня узнает.

Она. Ипполита Максвелл-Кастеньяда.

Если тщательно искать – а я искал, – можно найти фотографии Ипполиты и Индиго с различных мероприятий, когда Ипполита ещё была согласна быть лицом гостиничной империи Максвелл-Кастеньяда. И на каждой из этих фотографий она отворачивала Индиго от камеры. Во взгляде Ипполиты ярость, почти боль. У неё – по крайней мере, были – широко расставленные выразительные глаза мученицы, а Индиго всегда была лишь обрывком пурпурной тафты и голубых оборок, ребёнком, полускрытым в тени.

Я поднял взгляд, заслышав звук шагов по шелестящему гравию. Шофёр открыл перед нами дверь. Моё дыхание вырывалось облачками пара. Примерно в сотне футов от нас я увидел пожилую женщину, чья кожа была почти такой же белой, как её волосы – она спускалась по ступенькам крыльца и остановилась в тот же миг, когда увидела Индиго.

– Это ты, – проговорила женщина.

Поначалу я решил, что это – Ипполита, но нет, невозможно. Ипполита, кажется, ослепла – хотя я не знал об этом, пока Индиго не сказала. К тому же чёрное платье и собранные в пучок волосы женщины были слишком аккуратными, позволяя предположить, что это – форма. Её голос был полон воспоминаний. Я сжал затянутую в перчатку руку Индиго; моя супруга вздрогнула и замерла. Ей было страшно, хотя я не мог понять почему.

– Не верю, что это ты! – воскликнула женщина, распахнув объятия. – Индиго, сколько же времени уже прошло? Десять лет?

– Одиннадцать, – отозвалась Индиго, и в её голосе были нотки тепла. Она наклонилась, позволяя, чтобы её обняли, а когда отстранилась – в глазах женщины были слёзы.

– Посмотри на меня, – проговорила женщина, смахивая слезинки. – Стала старая и сентиментальная, – сложив руки, она кивнула мне. – Я – миссис Реванд, экономка. Я знала её задолго до того, как она превратилась в эту отчаянно элегантную женщину. – Миссис Реванд отступила, любуясь Индиго. – Ты очень на неё похожа, знаешь. На мать.

– Невозможно, – запротестовала Индиго, – но спасибо.

– И ты вышла замуж! – воскликнула миссис Реванд и подмигнула. – Он почти так же красив, как ты.

– Почти, – отозвался я со снисходительной скучающей улыбкой, тогда как мои мысли уже крались вверх по ступеням Дома.

Индиго всегда относилась к своему прошлому так, словно оно было мертво. И потому я планировал подойти к этому визиту как к вскрытию. Мне хотелось увидеть обыденные вещи – фрагменты домашнего задания, оставленные в ящиках, альбом с её подростковыми записями. Она дала мне так мало знаний о себе, что даже мысль о том, как она выписывала буквы, искала святотатством.

– С тех пор, как ты была здесь в последний раз, Дом претерпел некоторые изменения, – проговорила миссис Реванд. Теплота выражения её лица охладела. – Разумеется, мы исполнили твои желания и желания твоей тётки относительно присутствия в поместье обслуживающего персонала. И всё же не могу не задаться вопросом – почему нельзя провести необходимые ремонтные работы? Например, крыша сильно повреждена влагой. Трубы следует заменить, и...

Пока миссис Реванд бубнила о необходимости обслуживания здания, я изучал фасад. Высоко надо мной нависала башенка, окно в форме глаза и стоявшая у стекла фигура в белом. Я сморгнул, а когда посмотрел ещё раз – фигура исчезла.

– Простите. – Миссис Реванд покачала головой. – Я веду себя непростительно грубо. Без сомнений, вы хотите повидаться с тётушкой, но она... боюсь, утром у неё был ещё один приступ. Нам пришлось дать ей снотворное. Нет смысла ждать, моя дорогая. Я бы вернулась завтра.

Индиго нахмурилась, коснулась моей руки.

– Ты позволишь нам минутку наедине? Может, тебе лучше вернуться в машину.

Я попрощался с миссис Реванд. Единственное, что я успел уловить, удаляясь за пределы слышимости, был дымчатый голос Индиго:

– *Что она говорила обо мне?*

Машина была припаркована всё там же, перед домом. На некотором расстоянии под клёном наш водитель – молодой темнокожий мужчина с материка – курил сигарету. Я потянулся было к дверце, когда от земли раздалось тихое чириканье.

Ступив на газон, я пошёл на звук, заметив что-то маленькое и тёмное, подёргивающееся в траве. Птичка с тёмно-синим брюшком, зелёными крыльями с золотой каймой и блестящей переливающейся головкой. Скворец дёрнулся – одно крыло неподвижно замерло, другое было вывернуто под неестественным углом. Я наклонился, чтобы поднять его, и заметил крохотные точки, сновавшие по его оперению...

Муравьи. Десятки муравьёв. Они копошились у птицы в глазах, поднимали его сломанные когти, проползали в просветы его крыла.

Скворца пожирали заживо, и всё же он пел.

– Ну что за трата времени, – проговорила Индиго, пригнулась, садясь в машину, и хлопнула дверцей.

Шофёр открыл дверь с моей стороны.

– Сэр?

Погребальная песнь скворца преследовала меня. Я поймал себя на мысли о знаменьях и кедровом дереве, медленных поворотах странных лиц и звуке закрывающейся дверцы. Индиго свернулась рядом со мной на заднем сиденье. Я пытался ощутить её тепло, но мог думать только о тех муравьях, о тысяче их влажных ртов, открывающихся и закрывающихся.

Полных зубов.

Когда мы прибыли в отель Кастеньяда, уже полностью стемнело. Поездка на автомобиле и последующая, на пароме до материка, нас утомила. Пока швейцар складывал наши сумки, а ночной портье с энтузиазмом приветствовал Индиго – и гораздо с меньшим энтузиазмом меня, – я узнал свой след на здании отеля.

За последние несколько лет я создал концепции и воплотил в жизнь более полудюжины произведений, посвящённых моей супруге. И здесь я заново обнаружил любовное послание в лазурите и бронзе плитки лобби, в перламутровых столиках, и жемчужных люстрах, и подоконниках из устричных ракушек.

– Мелюзина, – проговорил я.

Я рассказал Индиго историю Мелюзины, ещё когда ухаживал за ней. Мы сидели в ванной в её парижском пентхаусе, слегка пьяные, одурманенные после целого дня в постели.

– Расскажи мне историю, – начала она, забравшись ко мне на колени.

Я уловил, как в её глазах разгорается голодный блеск. Схватил её за талию, удерживая. Она извивалась, словно в ловушке.

Это было частью нашей игры.

– Когда-то давным-давно, – начал я, – жил мужчина, женившийся на духе вод по имени Мелюзина. Вот только он не знал, кто она. Прежде чем они поженились, Мелюзина заставила его пообещать, что один день в неделю он позволит ей купаться в одиночестве и не станет её тревожить.

– Он сдержал обещание?

– Он был слаб, – сказал я, проводя большим пальцем по её полной нижней губе. – Конечно же, не сдержал.

Ей понравилось, как я это сказал, и она наградила меня поцелуем. – Однажды любопытство взяло верх над мужем, и он проследил за супругой через щель в двери. И тогда осознал, что его жена – не вполне смертная. Ниже талии... – здесь я сделал паузу, чтобы продемонстрировать, и Индиго вздохнула, когда я приласкал её, – она была змеей.

Индиго схватила меня за плечи.

– И что тогда?

– Тогда Мелюзина оставила его и вернулась в море.

– Бедная Мелюзина, – проговорила Индиго, чуть сдвинувшись, чтобы впустить меня. – Сразу видно, она его действительно любила.

– Вот как?

К тому моменту я был слишком отвлечён её пальцами в моих волосах, жаром её бёдер. И всё же я никогда не сумел забыть, что она сказала мне, когда приблизила губы к самому моему уху.

– Она сохранила ему жизнь, а ведь могла поступить куда хуже.

И сейчас голос Индиго достиг меня из воспоминаний. Её губы изогнулись в нежной усталой улыбке. Огни люстр бросали на её волосы рубиновые отблески.

– Помнишь, как ты рассказал мне эту историю?

Разве я мог забыть?

– Может быть, снова расскажешь этой ночью? – предложила Индиго, и в тот же миг по лобби разнёсся голос:

– Лазурь!

Всякая мягкость покинула взгляд Индиго: это имя, *Лазурь*, заставило его покрыться льдом. Молодая темнокожая женщина помахала рукой и направилась к нам через лобби. У неё были большие тёмные глаза, а волосы колыхались золотым ореолом, как венец святой.

– Лазурь! – повторила она.

Это имя. Лазурь. «Л». Как буква, вырезанная на зубе, прицепленном к браслету из волос. Я смотрел, как это имя скалится, сворачивается вокруг моей жены.

– Вы ошиблись, – сказала Индиго. – Мы вообще знакомы?

– Мы вместе учились в старшей школе! Это же у вас, ребята, была та безумная выпускная вечеринка? – Женщина замолчала. Нахмурилась. – О, господи, прошу прощения. Вы – не Лазурь... Индиго?

В том, как она произнесла это имя, сквозило отвращение. Губы женщины исказились, и я невольно задался вопросом, что за воспоминание она держала за зубами.

Улыбка Индиго сделалась хрупкой.

– Она самая.

Моя супруга жестом обвела отель. Это был знак: *«Вы – в моём царстве»*.

Вторая женщина сумела рассмеяться.

– Господи, столько лет прошло! Я навещаю свою семью, не видела их много лет. Как вы? Вы с Лазурью ещё общаетесь?

– Нет, – ответила Индиго. – Уже много лет. Она покинула остров.

За доли мгновения Индиго вернула себе льдистую царственную ауру, словно она была создана из самоцветов, и даже тень её была слишком драгоценной, чтобы наступить на неё.

Вторая женщина почувствовала это, как запах.

– Конечно, – сказала она так же прохладно. – Очень жаль. Кажется, вы обе всегда были так близки.

– Жизнь редко когда идёт по плану, – ответила Индиго. – Надеюсь, вам понравится в отеле.

– Спасибо, – проговорила женщина, коротко кивнула мне и развернулась.

У меня начала болеть голова. Когда мы остались одни в номере, я даже не помнил, как мы сюда дошли. Во рту стоял привкус соли.

Я не мог перестать думать о боли, отразившейся на лице Индиго. Все эти годы она несла в себе потаённую рану. Я знал, что эта рана есть, хотя жена запретила мне задавать вопросы. И всё это время между нами ширилась бездна. Теперь я знал её имя.

– Кто такая Лазурь?

Индиго напряглась. Я больше ни разу не нарушал её правила, но не мог проигнорировать это. Не теперь, когда это смело было брошено мне в лицо. Индиго села у изножья кровати, впившись пальцами в своды покрасневших ступней.

– Она была моей лучшей подругой, – ответила моя супруга, не глядя на меня, не повторяя имя. – Мы поссорились. Она сбежала после выпускного. – Индиго осторожно вздохнула, словно воздух был растревожен её признанием. – Когда мы росли, она была мне как сестра. Говорить о ней тяжело.

Много месяцев мне снилась вырезанная «Л» и холод переплетённых в косу тёмных волос. Я говорил себе сотни разных вещей... странный сувенир от потерянного возлюбленного, колдовской оберег от злых сил, амулет на память о матери. Но «Л» означало «Лазурь».

Индиго скрылась в ванной, а когда вернулась, была облачена в длинную белую ночную сорочку, которой я прежде у неё не видел. Это напомнило мне о фигуре в окне.

– Идёшь спать?

– Скоро.

Набрав ванну, я уставился на воду. Задумался о супруге Мелюзины, нарушившем своё обещание. Фольклор относил Мелюзину к русалкам, но никогда не пояснял, что конкретно увидел её муж. Я задумался, представив тот миг, когда он увидел мускулистый изгиб её хвоста, чешую, алую, словно кровь, то, как она, должно быть, стиснула свою потусторонность, чтобы уместиться в глупой ванне с водой. И когда он нарушил своё обещание, он увидел русалку, деву или чудовище?

И если я нарушу обещание, данное Индиго, что увижу я?

Глава шестая

Жених

На следующее утро синяя горечь имени Лазури осталась на моих губах, свернувшись кольцами.

– Ты проснулся.

Индиго села в кровати, глядя на меня.

– Не хотелось бы, – ответил я.

Я повернулся на том месте, где стоял, опираясь на большие окна, выходившие на сморщенное ветром море. Мне никогда не нравилось плавать в открытых водах. Я ненавидел холодную пустоту океана, тревожную невесомость конечностей. Глаза Индиго были холодными и бездонными, и я поймал себя на том же ощущении: галечное дно уходит у меня из-под ног.

– Плохие сны? – спросила она.

– Я всё думаю о Лазури.

Индиго поднялась с кровати, нагая, потянулась за халатом, висевшим на выложенной лазурной и бронзовой плиткой стене.

– Вполне ожидаемо, – легко согласилась она. – Это имя ты услышал последним перед тем, как уснуть.

– Индиго...

– Мне нужно подготовиться, – сказала она, завязывая пояс халата. – Тати будет ждать нас. Надеюсь, на этот раз она будет в ясном сознании.

Тати. Я и забыл, что сегодня она наконец примет нас.

Если Индиго и Лазурь были подругами детства, значит, Тати знала и её тоже. *Индиго и Лазурь*. Оба этих имени вызывали в воображении синеву – море и небеса, багровые синяки, газовое пламя и богатые ткани. Эти оттенки были так близки, что их в самом деле можно было считать сестринскими.

Когда Индиго вышла из душа, она выглядела беспечной. Остановилась перед моим креслом у окна. Капли брызнули мне на штаны, когда она наклонилась ко мне и обхватила моё лицо ладонями, целуя. Потом, отстранившись, прижалась лбом к моему, и я видел только её губы, когда она заговорила.

– Это место ядовито для самой моей души. Прости за то, как сильно оно изменило меня. Но скоро мы отправимся домой, – шептала она. – Просто знай, неважно, какая я, я не забыла, что ты – всё, что у меня есть в этом мире.

Когда она отстранилась, лучи солнца пробились сквозь облака за мной, отбрасывая радугу на её обнажённую кожу. Вычищенная, нагая, Индиго казалась не вполне человеком, и это напомнило мне об обещании, которое она взяла с меня.

«Не смотри. Не спрашивай. Не суй свой нос».

Я давно представлял себе, что моя супруга проклята и что моё молчание однажды может разрушить проклятие. Но сегодня, когда свет сделал её прекрасной и чуждой, внутри родилась мысль, и мой взор сделался сапфировым, лазурным. И с языка слетел вопрос, подсвеченный синим:

«А что, если нарушение обещания как раз и разрушит проклятие?»

Эта мысль была святотатственной, и всё же на вкус как снег и редкий сахар. Мой рот наполнился слюной.

– Люблю тебя, – сказала Индиго, и внутри что-то сжалось от стыда.

Что, если это было каким-то испытанием? Если я удержусь от соблазна любопытства, тогда, возможно, она больше не будет чувствовать себя такой затравленной, а отчуждение меж нами исчезнет.

Я потянулся и взял её за руку, поцеловал её запястье, карту вен и кожу, словно сбрызнутую росой.

– И я тоже люблю тебя.

Плечи Индиго расслабились, хотя она и не улыбнулась. А когда она коснулась моей щеки, её руки были ледяными, а ногти – острыми.

– Не дай мне повода усомниться в этом.

Я бы не назвал Дом Грѐз домом для жизни.

В нём было нечто неуловимое, что-то такое в самой структуре его теней, словно он не всегда находился в едином пространстве. Словно, если прибыть без предупреждения, дома здесь не окажется вовсе. В этом смысле имя было дано ему очень удачно, хотя я не был уверен, связано ли происхождение названия с обычными сновидениями или с кошмарами... или с чем-то совсем иным. Например, с самой сутью сказок.

Я потерял счёт известным мне историям о гламоре фейри. В некоторых сказаниях Дивный Народ мог превратить горсть листьев в монеты. Их жилища при одном освещении могли показаться богато обставленными, а при другом оказаться не более чем кучей веток и мокрой соломой. Гламор был ложью, и потому опасен.

В тот миг, когда мы с Индиго вышли из её машины на усыпанную гравием дорожку, я ощутил, как Дом изучает меня.

«Я вижу то, что ты узреть не можешь», – шептал он.

Я постарался сосредоточиться на Индиго. Но близость к Дому словно вытащила на поверхность сверхъестественную, звериную часть её сущности. Когда она улыбалась, её зубы казались острее.

– Должна предупредить тебя насчёт Тати, – проговорила Индиго. – Она теперь не вполне присутствует в настоящем. Это после травмы несколько лет назад.

Я коротко глянул на башню. Вспомнил бледную фигуру перед стеклом.

– А кто-то ещё здесь есть, кроме миссис Реванд?

Индиго резко посмотрела на меня.

– Нет. А что такое?

Машина остановилась, и я указал на башенку с необычным окном.

– Мне показалось, вчера я там кого-то увидел.

Индиго проследила за моим жестом и поджала губы.

– Никто не пользуется той комнатой, – ответила она. – Уже нет.

Я должен был понимать, что случится, когда мы пересечём порог Дома Грѐз. Я ведь знал сказки. Понимал структуру чар.

Но я позабыл, что некоторые места могут быть настолько древними, что уже становятся живыми. настолько живыми, что они не просто испытывают голод; они учатся охотиться. Если вы следуете за белым оленем в заколдованную лощину, или отпираете золотую дверь в заброшенной аллее, или обнаруживаете, что поверхность зеркала под вашими пальцами становится жидкой, – это никогда не происходит случайно. Происходит так потому, что *нечто* нуждается в вас. *Нечто* уже разложило осенние листья в определённом порядке, выманило дым из трубы, прорезало свет сквозь ветви так, что всё это нашёптывает приглашение.

Моя осторожность испарилась, как только мы вошли. Напротив, я был благодарен миссис Реванд и Индиго за то, что они говорили совсем тихо и я мог изучить это место, вылепившее мою невесту. Я словно держал в ладонях таинство.

Внутреннее убранство было прекрасным. Полы из полированной каштановой доски, вырезанные в виде сцепленных звёзд. Богатый выцветший синий ковёр, тянувшийся от самого

входа к гостиной, обставленной резной венецианской мебелью и бронзовыми статуями отдыхающих богинь. В центре высокого посеребрённого потолка висела люстра. Узкие высокие окна с кремовыми занавесями, подвязанными золотым шнуром, намекали на воду за ними.

Я пытался представить себе, как Индиго росла здесь – юная, слишком худощавая. Пытался представить, как она шлёпает босыми ногами по ковру, забежав в дом после купания, оставляя на дорогих шёлковых диванах лужицы воды. Пытался представить её, склонившуюся, мягкую, на эбеновых ступенях с книгой на бронзовых коленях.

Пытался – и не мог. Не осталось ни намёка на девочку, которой когда-то была Индиго. С тем же успехом она могла быть соткана из пылинок и теней, а обугленные чёрные глаза получили свой цвет от каштановых полов.

Я не осознал, что, пока я жадно вглядывался в Дом, Дом жадно вглядывался в меня.

– Он совсем не изменился, – проговорила Индиго.

Миссис Реванд скрылась в коридоре, на верхних ступенях лестницы.

– Пошла сообщить ей, что мы пришли, – сказала Индиго, а когда посмотрела на меня, в её глазах мелькнула тень опасения. – Ты должен знать, что она...

Зазвонил её телефон, и Индиго застонала.

До недавнего времени нас не волновали телефоны. Они были некрасивые и тяжёлые. Адвокаты посоветовали Индиго купить один, учитывая состояние здоровья Ипполиты. Они даже напряглись и послали ей новейшую модель, которую носили с собой все подростки на материке: красную, как насекомое, «Нокиа» с короткой антенной. Индиго сверкнула глазами, глядя на телефон.

– Видимо, придётся ответить, – проговорила она. – Минутку.

Обычно Индиго двигалась грациозно, но сейчас её удаляющаяся походка была почти воинственной. Она словно готовилась к бою.

Миссис Реванд с верхних ступеней подала мне знак, проговорила одними губами:

«Пойдёмте».

Я оглянулся туда, где скрылась Индиго, и сказал себе, что мы просто встретимся там. Когда я поднимался по лестнице, за высокими окнами простиралось море. Вода изгибалась, словно огромный мускулистый хвост в солнечных лучах. Я подумал о Мелюзине, купающейся в темноте, прикованной к своему дикому телу в надежде, что супруг позволит ей уединиться хотя бы на день и, возможно, даже разрушит проклятие.

Если бы только он вспомнил, что смотреть нельзя.

Стены наверху были тусклого цвета красного мяса, а в воздухе витал кислый, затхлый запах нечищеного рта. В настенных бра застыли погасшие лампочки. Это показалось мне странным, но какая разница для слепой?

– Мисс Ипполита? – позвала экономка, постучавшись в бледно-золотую дверь прямо у лестницы.

Изнутри в ответ раздался скрип кровати.

– Он здесь, один, – проговорила миссис Реванд, бросив на меня виноватый взгляд. Слишком поздно я понял, что Индиго это не понравится, но не смог заставить себя развернуться и уйти. – Как вы и просили.

Я зашёл. Окна были закрыты тонкими занавесями, а высокий потолок комнаты был едва подсвечен. На стенах висели странные картины в золочёных рамах – деревья и завитушки, сердца, кресты, чёрно-белые розы. С десяток ваз, полных цветов из неизвестного мне материала, были задвинуты в угол. В центре комнаты располагалась огромная круглая кровать с алыми, как кирпич на фасаде, простынями.

– Ты красивый? – раздался хриплый голос, оборвавшийся резким смехом. – Она всегда коллекционировала изысканные вещи.

Мои глаза всё ещё привыкали к свету, потому Ипполита показалась мне не больше чем маленькой извивающейся фигурой на кровати. Повернув голову, она заговорила с чем-то невидимым рядом:

– Нет, тише-тише, я знаю. Времени совсем мало. – Она принюхалась в моём направлении. – Подойди, подойди. Ближе.

Я подошёл к постели, и Ипполита предстала передо мной.

Она была миниатюрной, лысой, тёмной, как каштан. Ночная рубашка с оборками кукольно-розового цвета обвисла на её теле, словно тряпье. Тонкую шею и ещё более тонкие запястья украшали плетёные бусы и браслеты. Её лицо не было красивым, но привлекало внимание. Эти широко расставленные глаза мученицы, которые я видел в публикациях, теперь стали молочно-голубыми с крапинками. Рот представлял собой кривую щель в обрамлении морщин. Из-за толстых выпуклых шрамов кожа казалась странно сложенной, а когда она открыла рот, чтобы заговорить, я почувствовал зловоние её дыхания.

Ипполита склонила голову набок.

– Ну и как?

– Простите?

– Ты красивый?

Я задумался над этим – вопрос меня слегка позабавил. Я знал, как смотрели на меня мужчины и женщины, как смотрела на меня Индиго в вечер нашей встречи и в ночь после.

– Да.

Серый язык Ипполиты, словно змея, проскользнул по её губам.

– Говорят, тебе хорошо удаётся находить разные вещи, – проговорила она. – Безделушки, сказки... тайны.

– Стараюсь, – ответил я, полагая, что она имеет в виду мою работу историка.

– Видишь ли, я потеряла тайну... очень скверно с моей стороны – Ипполита покачала головой. – Терять такую тайну мне было нельзя. Может, это и вовсе не тайна, а скорее идея, выросшая в темноте, подпитанная закатами и сумерками. Что думаешь?

Вопрос был адресован не мне, а невидимому *нечто* рядом с ней. Мне показалось, что Дом играл со мной, и стены изогнулись под углом. И снова я подумал, что Индиго это совсем не понравится, и эта мысль заставила меня распрямиться, посмотреть через плечо на дверь.

Та была закрыта. Я не припоминал, чтобы закрывал её.

– Не думаю, что могу помочь вам, мэ, – ответил я, отступая назад.

Рука Ипполиты метнулась вперёд с необычайной скоростью и схватила меня. Браслет соскользнул с её тонкого запястья, ударившись о мою кожу. Материал казался каким-то неправильным. Тёплым. Слишком мягким. Не похоже на нитки или шёлк. В горле защекотало.

– Ты ошибаешься, красавчик, – сказала она. – Скажи, насколько хорошо ты знаешь свою невесту?

Я облизнул губы, силясь сглотнуть что-то, застрявшее в горле, сдвинуть ближе к зубам. Может, это была шерстинка с шарфа.

– Она любит тебя? – спросила Ипполита, и её молочные глаза нашли мои. – Индиго любит тебя?

– Да, – сумел выговорить я.

Ипполита рассмеялась.

Я больше не мог выносить этого. Потянувшись к губам, я нащупал то, что застряло на языке. А когда вытянул, увидел прядь длинных чёрных волос.

И осознал, что видел их прежде.

Прядь волос, свёрнутых в браслет, и зуб, свисающий на конце, с вырезанной на нём буквой «Л».

Лазурь.

Глава седьмая

Лазурь

Прежде всего вы должны понять, что я любила её.

Я полюбила Индиго с того момента, как только увидела её у Дома Грёз. В руках она держала хрустальную чашу пунша с молоком и кровью; её тень и ритм её шагов призывали магию.

Мы с матерью переехали в городок Хок Харбор две недели назад. Наш дом в штате Орегон был маленьким, красным, окружённый полями подсолнухов. Может, мы бы так там и жили, если бы Юпитер не явился однажды в закусочную, где моя мать работала официанткой по выходным.

Юпитер, похоже, обладал своей собственной магией, потому что хватило одного его взгляда на алый рот моей матери и пустые глаза, как он втиснулся в эти впадины, и всё, что я видела, был только он.

При нашей с Юпитером первой встрече он пытался вручить мне пакет конфет. Я очень хотела конфеты, но не приблизилась к нему. Мне стало отвратительно от того, как его взгляд следил за мной и как он улыбался закрытым ртом. Словно пытался спрятать зубы. Через месяц моя мать вернулась домой, раскрасневшаяся, с сияющими глазами, и показала тусклый камешек на руке.

Несколько недель мы планировали переезд в тощий квадратный дом Юпитера. Я видела его только на фотографиях. Он скрывался за затопленной дорожкой, а окна выглядывали поверх травы, словно полуприкрытые глаза хищника.

Я не ожидала от этого городка ничего особенного в день, когда Юпитер встречал нас на пароме. В том месте, где я провела раннее детство, тоже не было ничего особенного. Хозяйственный магазин, церковь, белая решётчатая вывеска с объявлением о школьной игре, лодочный причал, верфи.

И потому, когда мы свернули за угол и показался Дом Грёз, я подумала, что он просто нереальный. Втянула воздух, прилипнув к окну машины.

– *Это*, – проговорил Юпитер, замедляя ход машины, – фамильный дом семьи Кастеньяда. Они его называли как-то вычурно на латыни. Ну, вы же знаете, какие они, эти богатеи.

Моя мать приоткрыла окно и недобро глянула на дом.

В тот самый миг, когда я увидела Дом, я поняла, что в нём заключена магия. Под дверными половицами дремлют драконы, в саду растут деревья с фруктами, исполняющими желания, а в самой высокой башенке живёт королева, и когда она расчёсывает волосы, на землю осыпаются драгоценности. Впервые я поняла, какой была моя жизнь в сравнении с этим. Грязная дешёвая картонная конструкция рядом с этим чудом, выложенным из алых кирпичей. Если бы я только знала, как всё обернётся, – закрыла бы глаза и никогда больше не посмотрела на Дом. Но я не могла отвести взгляд.

– И всё это для одной семьи? – Моя мать сморщила нос.

– Даже не для семьи, – ответил Юпитер. – Родители напились и разбились на частном самолёте. – Он со смехом покачал головой. – И теперь *всё это* принадлежит десятилетней девчонке и её полоумной грёбаной тётушке... ой. – Юпитер замолчал, словно только вспомнил, что я ехала на заднем сиденье. – Извини, принцесса.

– Я думаю, он безвкусный, – заявила моя мать, закрывая окно.

Юпитер посмотрел в зеркало заднего вида, встречаясь со мной взглядом.

– А ты что думаешь про дом, принцесса? Девочка, которая там живёт, примерно твоего возраста. Ты только представь, если бы мы жили в этом месте? Можно было бы играть в прятки часами напролёт. – Он улыбнулся, сверкнув своими слишком белыми зубами.

Моя мать промолчала. Помада в её руке замерла на полпути.

– Она ненавидит эту игру, Ю, – сказала мама. Я не понимала, почему в её голосе было раздражение, словно меня откуда-то исключили. – Она скорее спрячется под кровать, чтобы почитать очередную книжку. И ты её будешь искать целыми днями.

– Я не против подождать, – сказал Юпитер, постучав себя по носу.

Машина продолжала движение.

При каждом удобном случае я проезжала на велосипеде мимо Дома Грёз. От дома Юпитера было не больше пятнадцати минут пешком, но даже воздух здесь казался совсем иным. Всё казалось ярче, *лучше*, когда я оказывалась у Дома. Я могла себе только представить, каково было бы жить там, читать у огромного камина, находить в чашке с чаем золотые монеты, выманывать ручного леопарда на послеполуденную прогулку.

Я решила провести небольшой эксперимент, испробовать магию Дома. Взяла две одинаковые ягоды клубники, обе блестящие, жирные, алые как рубины. Одну съела в доме Юпитера, и на вкус она оказалась кислой. А одну держала в руке, крутя педали по пути к Дому Грёз. Потом поднесла ягоду к солнечным лучам, отражавшимся от кованых железных наконечников ограды. Укусила. Сладкий ароматный сок брызнул мне на губы.

И тогда я впервые поняла, что у красоты есть своя особая власть. Красота преображала. Её присутствие могло выманить амброзию из кислых ягод или захватить обычный, залитый дождевой водой тротуар, оросив его бриллиантами. Я хотела, чтобы красота коснулась и меня, изменила меня, провозгласила достойной того, чтобы быть замеченной ею.

В тот миг входная дверь распахнулась. Я подпрыгнула, выронив наполовину съеденную ягоду, и подхватила велосипед. Подумала, что кто-то взрослый сейчас накричит на меня и велит уходить. Но вместо этого появилась девочка моего возраста.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять – однажды она станет красавицей. Она была долговязой, как жеребёнок, с длинными конечностями, а суставы её плеч были такими загорелыми и блестящими, что казалось, кости светятся. На ней было платье, казавшееся ей слишком большим, а ноги были босыми и запылёнными.

Хрустальная чаша в её руках отразила свет. Под мышкой у неё был пакет молока. Я заглушила звонок велосипеда и постаралась стать совсем маленькой, спрятавшись за кирпичным столбиком ворот.

Я смотрела, как она поставила хрустальную чашу на ступени крыльца и налила туда молока. А потом сунула руку в передний карман платья и достала нож. Немедля она рассекла себе ладонь и выдавила кровь на поверхность молока. А когда закончила, то вылила чашу молока и крови под куст гортензии, отступила назад и закрыла глаза.

Я знала, что случится дальше. Читала о таком. Она принесла жертву. Воздух пойдёт рябью, усыпанная звёздами рука схватит её за запястье и утянет в новое место, куда я не смогу отправиться за ней. В место, полное волшебства. Там она станет королевой.

– Подожди! – воскликнула я, забыв даже про велосипед. – Возьми меня с собой!

Девочка подняла взгляд, стоя там же, у гортензий. Чуть склонила голову, но так и не пошевелилась.

От её молчания моё лицо вспыхнуло со стыда. Я указала на чашу с молоком и кровью.

– Я подумала, ты... куда-то направляешься.

Она распахнула глаза.

– Куда? Куда, ты думаешь, я направляюсь?

Голос у неё был чуть хриплым, каждое слово изящно артикулировано. Никогда не слышала, чтобы кто-то говорил, как она. Если бы только и я могла так разговаривать.

Невольно я задумалась, какой она видела меня. Солнечный свет октября лаком заливал её кожу и волосы. Наряды деревьев в саду уже отливали золотом, словно облачились так только ради неё, ради того мига, когда она выйдет.

Я хотела рассказать ей про книги, которые читала – те самые, которые, как моя мать сказала, мы не можем взять сюда с собой при переезде. Книги об ацтекских жертвах, о богах с двумя головами. Сказки, в которых один шаг в тень яблочного дерева мог выдернуть тебя из этого мира насовсем. Но я не могла вместить всё это в свой ответ.

– Куда-то в другое место, – ответила я.

Девочка выглядела разочарованной. Посмотрела мне за спину. Она собиралась уйти, и я не могла этого допустить.

– Я где-то читала, что феям нравятся чаши сладкого молока... что они выйдут, если оставить им что-то в таком духе.

– Знаю, – скучающе ответила она. – Однажды они должны за мной прийти. Я ведь их родственница. – Она отбросила густые волосы с плеча. – Я подумала, что кровь с молоком ускорит процесс.

Больше она ничего не добавила, и я провела ладонью по рулю велосипеда, уверенная, что через пару секунд она велит мне уходить.

Девочка изучающе смотрела на меня.

– Ты правда хочешь пойти со мной?

Я не доверяла себе и своим словам, потому кивнула.

Девочка приподняла загорелое плечо.

– Уверена, у них хватит для нас места. У них там наверняка целый дворец.

Пройдя вперёд, она отперла ворота, разделявшие нас. Те со скрипом открылись. Она взяла меня за руку и подвела к кусту гортензии, где предложила мне нож.

– Ты достаточно храбрая, чтобы отправиться со мной к фейри?

Я так думала. У меня даже стикер был в доказательство. Я абсурдно гордилась тем стикером – размером с четверть доллара, неоновый смайлик в солнечных очках – и изо всех сил старалась сохранить его, даже когда клей сошёл, а смайлик начал сползать с моего свитера. С тех пор он занял почётное место в кармане, в маленьком прозрачном держателе, который я носила с собой в школу. Стикер мне подарила медсестра, когда мне делали прививки перед школой в холодном кабинете, провонявшем спиртом.

– Ты самая храбрая из всех! – сказала она тогда. Я не издала ни звука, когда она делала мне укол, а потом наклеила пластырь с нарисованными на нём арбузами. – Дети обычно орут как резаные, но не ты. – Медсестра просияла, глядя на мою мать. – Вы должны гордиться вашей дочкой.

Мама, сидевшая в кресле в приёмной, вяло листая журнал, глянула сперва на медсестру, потом на меня. Закатила глаза, изогнула бровь. Это был тайный знак, сообщавший: «*Конечно же, горжусь*».

Лукавый взгляд моей матери в тот миг выкристаллизовался для меня. Если бы его можно было превратить в кулон и носить на шее, я бы так и сделала. В те дни я бы превратила все редкие взгляды, которые мама бросала на меня, в драгоценности и относилась бы к ним соответствующе. Я вспомнила про стикер в прозрачном пластиковом держателе и протянула девочке руку, заявив:

– Да, я достаточно храбрая. – И взяла нож.

Поднеся его к основанию ладони, я вонзила кончик в кожу. Девочка протянула чашу. Моя кровь алой лентой окрасила поверхность.

После она поставила чашу обратно под куст гортензии, а когда вернулась, улыбнулась.

– Я – Индиго.

Внутри той чаши, полной молока и сахара, наша кровь смешалась.

Может быть, голубой лепесток гортензии коснулся молочной поверхности, пока наше заклинание напитывалось силой в лунном свете – но так связь меж нами оказалась запечатана. Пусть я не понимала, что именно произошло, но понимала сам факт этого, потому что на следующий день почувствовала, что Индиго ждёт меня. Я чувствовала её так же явственно, как собственный пульс.

Было воскресенье, и моя мать с Юпитером пошли в кино, поэтому я поехала на велосипеде к Дому Грёз. Она была там – сидела на крыльце с книгой в руке, а рядом стояли два стакана апельсинового сока. Меня не просто ожидали – меня были рады видеть. И осознание этого сияло во мне.

Через день мы с Индиго пошли в школу, держась за руки. Во время ланча сидели вместе, а позже тем же днём искали фей в ручье у Дома. Так и потекли наши дни. Когда чаши с молоком и кровью не выманили к нам фей, мы пробовали добавлять мёд, а потом и кленовый сироп. Я даже украли одну из маминых серёжек, чтобы бросить в чашу, надеясь, что украшения придадут сделке привлекательности.

Каждые выходные я проводила в доме Индиго, носила платья не по размеру и браслеты, соскальзывавшие с запястий. По ночам мы посыпали солью подоконники и просыпались в полночь, чтобы съесть сахар из хрустальной чаши. Я пила из её чашки, а она засыпала у меня на коленях, а когда мы заплетали друг другу волосы, то вплетали в пряди подвески.

Время расплывало нашу первую осень в стеклянную зиму, а к весне волшебство нехотя открылось перед нами. Теперь мы видели, что узловатый корень рядом с её домом был заброшенным обеденным столом садового гнома. Тоненький ручеёк за школой был домом русалки с волосами пёстрыми, как грудка воробья.

В то время я всегда искала подходящую валюту для входа в магические миры – особую монету, камешек с идеально круглым отверстием в центре, крыло бабочки с переливающейся пылью. Вещи, которые можно было очертить кончиком пальца.

Позже я поняла, что проход в иной мир жаждет того, что отследить и очертить невозможно. Вес громкого прозвища, которое больше не произносится, мягкое горло снов, тихо навещающих из года в год. Чтобы принадлежать Иному Миру, ты должен больше не принадлежать себе самому.

Я знаю это, потому что именно это даровало мне вход. Это не было залитое солнечным светом королевство, где лунный свет можно было черпать ложкой, если дотянуться. Это было пространство, сотканное между мной и Индиго, спектр синего, где мир вокруг нас ткался заново, словно мы были ходячей раной, прожигающей дыру сквозь его чары.

Прошёл год с тех пор, как я протянула руку за ножом Индиго. На наших ладонях были одинаковые шрамы, маленькие бледные ямочки, похожие на шлепки двух одинаковых рыбьих хвостов. Сегодня солнечный свет толстым слоем ложился на деревья. Воздух искрился, тяжело дыша от жары.

Мы с Индиго сидели за обеденным столом, нерешительно собирая головоломку, которая, по её словам, должна стать дверью в королевство русалок, если мы закончим к полуночи. Я взглянула на часы. Пока был даже не полдень – до полуночи ещё далеко.

Вокруг нас сонно гудел Дом. Даже спустя год я так и не сумела привыкнуть к этому месту. Оно восхищало меня, ослепляя сиянием сквозь витражные окна. Каждая комната казалась слишком драгоценной, чтобы находиться в ней, и уж тем более – чтобы похищать её воздух. Я обожала тяжёлые бархатные занавеси, шкафчики, полные хрусталя, бесценные вазы и ложки, выложенные на парадном обеденном столе. Один из десятка человек прислуги полировал их, пока они не начинали сиять, как лунный свет.

– Дому ты нравишься, – сказала Индиго, когда я впервые ступила сюда.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, втайне очень довольная.

Она указала на входную дверь с искусной резьбой.

– Видишь? Она закрылась полностью с первой попытки. А она так не делает, если ты ей не нравишься настолько, чтобы удержать тебя внутри.

В тот день мы застряли внутри, хоть и не по собственной воле. Я зевала, глядя на задний двор в окне, на ручеек, впадавший в реку. Раньше мы попробовали поплавать в этой воде. Она оказалась такой холодной, что пальцы ног у меня тут же свело судорогой. Персонал, должно быть, знал это, потому что на полпути к садовой дорожке кто-то выложил пару толстых полотенец. Я всё ещё куталась в своё.

– Девочки, что вы делаете в доме в такой денёк?

Я подняла взгляд, увидев Тати, стоявшую в дверном проёме кухни. Иногда Индиго мяукала, как котёнок, и обвивала Тати руками, и называла Мамой-кошкой. Тати обожала, когда Индиго её так называла. Она целовала Индиго в лоб, и в такие моменты они правда выглядели как мама с дочкой.

И в такие моменты я старалась на них не смотреть. Моя мать никогда меня так не обнимала. Может быть, и хотела, но каждый раз, когда возвращалась с работы в каске паррома, Юпитер всегда захватывал всё её внимание, и для меня ничего не оставалось.

Тати приблизилась к нам, и Индиго села на стуле ровнее. Когда она замирала так напряжённо и называла Тати «опекуншей», лицо Тати словно закрывалось изнутри. Но в этот момент Тати не видела лица Индиго.

– Весь солнечный свет растеряете, – сказала она, прижавшись подбородком к макушке Индиго и подмигнув мне.

Если не считать разреза глаз и цвета волос, Тати и Индиго были не похожи, хоть Тати и приходилась старшей сестрой маме Индиго. Черты её лица были крупными, мягкими, дружелюбными. Черты Индиго были нарисованы более сдержанной изящной рукой.

– Она далеко не такая красивая, как моя мама, – как-то сказала мне Индиго. – Но я всё равно её люблю.

Мне не нужно было, чтобы Тати была красивой, для того чтобы любить её. Я полюбила её с самого первого момента, когда только вошла в Дом, а Тати притворно охнула: «Индиго! Это твоя давно потерявшаяся сестра, или ты наконец оживила одну из своих теней?»

На этих словах я просияла. Здесь было моё место. И я совсем не возражала, что ко мне относились как к чьей-то тени.

Большую часть дней Тати носила на голове яркие платки, а когда обнимала меня, казалось, она использует для объятия все свои силы. Тати была ведьмой – то есть своего рода художницей. По её словам, она работала «со средой памяти» и пахла горячим клеем и сухими розами.

– Снаружи противно, – ответила Индиго, изучая головоломку, игнорируя руки Тати, обнимавшие её.

– Мы попытались поплавать в ручье, – добавила я.

– Слишком холодно, – сказала Индиго.

– Ах вот оно что! – воскликнула Тати. – Почему бы мне не устроить для вас бассейн, девочки? Можно на заднем дворе...

– Я не хочу бассейн *в моём* заднем дворе, – заявила Индиго, выделяя каждое слово.

– Ты уверена, дорогая? Думаю, вы, девочки, будете в восторге...

Индиго откинула волосы за спину и выбрала именно этот момент, чтобы вскинуть голову, ударив Тати в лицо. Тати поморщилась, её рука взметнулась к губам, а в глазах от боли выступили слёзы. Индиго обернулась, чтобы посмотреть на неё. Я подумала, что она извинится, но Индиго не стала.

– Я не желаю бассейн *на своей* территории, – раздражённо заявила Индиго. – Конец.

Я соскользнула со своего стула.

– Тебе больно, Тати?

– Всё хорошо, – сквозь зубы ответила она. А когда опустила руку, я увидела на её пальцах кровь, которую она быстро отёрла о свою тёмную юбку.

– Тогда почему бы вам, девочки, не отправиться в местный бассейн? – предложила она. Попыталась улыбнуться, но тепло в её голосе растворилось, сменившись чем-то мягким, уступчивым. Это напомнило мне о том, как моя мать разговаривала с Юпитером. – Я напишу записку, чтобы вас впустили.

Несколько часов спустя мы сидели в тени от шезлонга спасателя, болтая ногами в воде. Общественный бассейн был переполнен, пах кремом от загара и потом. Я то и дело бросала взгляды на Индиго, задаваясь вопросом, скажет ли она что-нибудь о Тати. Я чувствовала себя виноватой за то, что приняла объятия Тати перед тем, как мы ушли. Индиго оттолкнула её, поэтому я позволила Тати крепко прижать меня к себе, так же, как она обнимала Индиго.

Индиго посмотрела на воду.

– А ты знаешь, что, если обладаешь чьим-то истинным именем, этот человек будет принадлежать тебе вечно?

– Что такое истинное имя?

– Тайное имя, – торжественно ответила Индиго. – У каждого есть истинное имя. У деревьев и чудовищ... даже у людей. Какое у тебя?

– Лазурь, – ответила я.

Индиго пожала плечами.

– Не могу поверить, что ты сказала это вслух.

– А что такого?

Я старалась говорить беспечно, но на самом деле беспокоилась, не отказалась ли я от чего-то бесценного.

– Иногда истинное имя – это то, которым тебя называют другие. Но это важно только тогда, когда кто-то *знает*, что оно тайное, – сказала Индиго, пристально глядя на меня. – А как только они узнают, что имя тайное, – то получают над тобой власть, и ты никогда не сможешь обрести свободу, пока тебе не вернут имя.

Я задумалась об этом.

– Ты – единственная, кто его слышал, так что верни его. – Я попыталась сказать это шутливо, но на самом деле хотела расплакаться.

Индиго посмотрела на меня, и уголок её губ дёрнулся. Изогнув бровь, она сказала:

– Теперь оно моё!

Я попыталась схватить её. Взвизгнув, она нырнула в бассейн. После мы играли часами. Стояли в воде, широко расставив ноги, и по очереди извивались, словно скользкие русалки. Иногда мы делали вид, что ловим друг друга. А потом делали стойку на руках, открывали глаза и смотрели на солнце сквозь холодную синеву.

И только когда я возвращалась домой тем вечером, я поняла вдруг, что Индиго так и не вернула мне моё истинное имя. Но это было простой формальностью. Ведь с момента нашей первой встречи я всегда принадлежала Индиго.

Глава восьмая

Жених

«Насколько хорошо ты знаешь свою невесту?»

Я не сдвинулся с места, так и стоял у постели Ипполиты, а её голос накладывался на стишок, настолько старый, что в его суставах уже вырос мох:

«Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?»

Я читал те слова, но никогда не слышал их так явственно, как сейчас. Сюжет был довольно знакомым; его костяк можно было найти в любых сказках, от Гримма и Перро до аккуратного вскрытия в фольклорной классификации индекса Аарне-Томпсона-Утера.

Юная дева посещает дом своего суженого и обнаруживает там старуху, которая велит ей спрятаться за печью. Девушка выжидает. Вскоре дверь распахивается, входит её возлюбленный, затаскивает в дом за волосы мёртвую девушку и водружает на стол. Он сообщает старухе, что этим вечером намеревается как следует полакомиться, и срезает с мёртвой лучшие кусочки. Героиня, прячущаяся за печкой, видит сокровища своего возлюбленного. В углу он держит кучу белоснежных грудей. Богатые ковры мерцают прядями иссиня-чёрных, имбирно-рыжих и золотых волос. Его дорогой фарфор сделан из глазированных тазовых костей, а многочисленные драгоценные камни – это зубы в золотой оправе. Её суженый так торопился срезать мясо, что мизинец мёртвой девушки отлетает и приземляется прямо на колени прячущейся героини, которая к тому моменту уже понимает, что её любимый – не тот, кем кажется. И всё это время старуха напевает:

«Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?»

Ипполита, очевидно, не в здравом уме. Её словам нельзя было доверять. Но почему же я не мог перестать слушать?

– Давай я расскажу тебе сказку, красавчик, – сказала она. – Однажды был прекрасный праздник, и небеса цвета лазури и цвета индиго рука об руку вошли в Иной Мир, но лишь одни из них вернулись. Понимаешь меня? Только *одна* вернулась.

Я услышал скрип ступеней.

– Мисс Ипполита? – позвала экономка из-за двери.

– Ты должен найти Лазурь, – сказала Ипполита. – О, Дом так сильно по ней скучает, что его боль чувствуется даже в досках пола! Только Индиго знает, куда она отправилась, но моя Индиго – скользкая девочка. Так всегда было. Она хранила Лазурь в тайне. Ты себе даже не представляешь, как сильно они любили друг друга.

– Отпустите меня... – проговорил я, но Ипполита держала крепко.

– Иному Миру ведомы тайны девочек; может, ты сумеешь спросить, куда отправилась Лазурь? Почему никогда не навещает нас? – Ипполита нахмурилась, надула губы, как ребёнок. – Но кто может отправиться в Иной Мир без пары крыльев?

– Я не могу помочь вам.

Костлявые пальцы Ипполиты обхватили моё лицо, притянули ближе, оставляя глубокие болезненные следы на коже. Я замер.

– Я слышу твою тоску в ритме сердца, – сказала Ипполита. – Если найдёшь Лазурь, Дом вознаградит тебя. Дом знает твои самые потаённые желания. Он всегда исполняет чаяния.

Миссис Реванд постучалась.

– Мисс Ипполита?

Ипполита выпустила меня, и я отшатнулся, как только дверь открылась.

– Надеюсь, визит был удачным? – осведомилась миссис Реванд с преувеличенной жизнерадостностью. – Сюда, сэр.

Миссис Реванд позволила нам минуту наедине. Я обернулся через плечо, видя, как Ипполита медленно погружается в свои простыни.

– Говоришь, она любит тебя, но что она такое? – проговорила Ипполита и, закрыв глаза, запела: *«Моя небесная девочка для правды слишком хороша. Цвета небесной синевы, ах как она хитра»*.

Ипполита рассмеялась, когда я притворил за собой дверь и едва отметил, что миссис Реванд попросила меня подождать, чтобы уточнить с Индиго, чем та желала заняться. Я сел на лестницу.

Индиго будет в ярости из-за того, что я встретился с Ипполитой без неё. И неважно будет, что я сдержал обещание и не совал нос не в своё дело. Возможно, она знала, что Ипполита хотела раздражить меня. Если бы я мог, то сказал бы старой карге, что это не имеет значения. То, что я знал об Индиго, я любил, и этого было достаточно.

«Всё ещё достаточно?»

Я не узнал этот голос в своей голове – высокий, детский, с придыханием. Этот звук был словно ледяной палец, очертивший мою шею.

– Да, – ответил я, хоть и не знал, с кем говорю. – Да, этого достаточно.

Я точно знал тот момент, когда решил, что предложенного моей невестой было достаточно. Мы с Индиго были в Париже, упиваясь первыми свежими месяцами познания друг друга. Весна была слишком ранней, чтобы казаться красивой, и город выглядел унылым и вялым, словно стареющая женщина, лишившаяся своих зимних бриллиантов.

Как-то вечером мы наслаждались аперитивом у неё на террасе. На маленьком столике из кованого железа расположилась тарелка с сыром, ломтиками мраморного мяса и странный стеклянный террариум в фут высотой, наполненный дымом.

– У меня для тебя сюрприз, – сказала Индиго, снимая стеклянный колпак.

Дым развернулся в воздухе, обнажая многоуровневое золотое блюдо. По трём его уровням были разбросаны сливы с золотистой кожурой.

– Фейские плоды? – предложила Индиго.

Сквозь серые тучи пробился робкий солнечный луч, осветив её лицо. Ветер раздражённо трепал её волосы, когда она подняла руку. На миг я подумал, что сейчас она толкнёт воздух ладонью, швы мира разойдутся, и нас унесёт далеко-далеко. И кажется, я слышал голос брата на ветру:

«Пойдём со мной. Найди меня».

«Как?» – подумал я.

Но ответ смотрел прямо на меня. Индиго села на один из небольших железных стульев и потянулась к сливе. Золотая фольга оставила на её губах блёстки, и я почувствовал запах марципановой пасты, из которой были вылеплены фрукты.

– Ну? – спросила она. – Не хочешь укусить?

– Они не настоящие.

Я говорил как обиженный ребёнок. Индиго только рассмеялась.

– Откуда тебе знать?

– В каком смысле?

– Настоящие фейские плоды имеют вкус порога, – сказала Индиго, повторяя слова из моих собственных исследований, – алхимические свойства которого могут преобразить всё, чем мы являемся. Это может позволить нам перемещаться сквозь пространства, не созданные для людей. Может давать нам силы. Позволяет нам прозревать сквозь чары. Кто сумеет сказать, как это выглядит на самом деле?

Индиго протянула мне плод. Тогда я понял, что она предлагала мне не дверь к побегу, а средство для жизни.

– Плоды феи особенно опасны, – сказал я. – На вид они прекрасны, но говорят, смерть приносит в них аромат амброзии.

Полные спелые губы Индиго обрели золотой цвет языческого божества. Мне нравилось, как она сидела сейчас, поджав под себя длинные ноги, нравилась искусная небрежность её рук, словно она совсем недолго пребывала в этой форме.

– На мой взгляд, звучит слишком обманчиво, – сказал я, наклоняясь к ней, проводя большим пальцем по её нижней губе.

– Не волнуйся, – улыбнулась Индиго. – Если будешь хорошо себя вести, я сумею тебя защитить.

– Обещаешь? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – А теперь закрой глаза.

Я сделал, как было велено, и Индиго поместила сливу меж моих зубов. На вкус та была как золото и мёд, с отголосками металла и соли. Таков был вкус пересекаемого порога, заключённой сделки. И всё это время я держал глаза закрытыми, а Индиго защищала меня.

Я знал, что слова Ипполиты – всего лишь слова, и всё же они вызывали в сознании образы. Прислонившись к двери, затаив дыхание, я думал о девушке из сказки «Жених-разбойник», о том, как мёртвый мизинец приземлился ей на колени. Как она, должно быть, считала все поцелуи своего возлюбленного и вспоминала сладость его дыхания, пока по другую сторону печи он высасывал костный мозг из девичьей бедренной кости.

Позже я пойму, что именно в этот миг Дом Грёз нанёс удар. Такова была природа разумных мест. Я полагал, Дом не мог соблазнить меня никакими знаниями и убедить исполнить его волю. Но я ошибался.

В один миг я смотрел на свои ступни. В следующий я снова услышал тот же детский вздох:

«Ты лжёшь. Этого недостаточно».

Внезапно меня буквально втолкнуло в образ, имевший форму и вес памяти. Я увидел маму – такой, какой она была, когда мне было семь. У неё была слишком крепкая челюсть, чтобы считаться красавицей, но её глаза цвета лесной зелени были нежнейшими, как у лани.

Мы стоим в кухне, и кто-то тянет меня за руку. Это мой брат, пухленький, перемазанный в варенье, извивается и смеётся, когда я кручу его на месте. В руке у мамы сигарета. Мы замираем, когда раздаются тяжёлые шаги отца в гараже. Мама ухмыляется и сбрасывает пепел в раковину.

«Готовы поиграть, мальчики?»

Я сморгнул. Понял, что по-прежнему сидел под дверью Ипполиты. Звук шагов моего отца растворился, превращаясь в сдержанное постукивание каблучков миссис Реванд, поднимавшейся по лестнице. Образ полностью растворился. Я проследил за ним на границах сознания, поразившись тому, как аккуратно эта ложь пристроилась внутри. Как такое вообще было возможно?

В ответ солнечный свет пробился сквозь витражи. А когда я опустил взгляд, мои руки были погружены в синеву.

«Если найдёшь Лазурь, Дом вознаградит тебя. Дом знает твои самые потаённые желания. Он всегда исполняет чаяния».

Глава девятая

Лазурь

Волосы были единственным, что у меня было лучше, чем у Индиго, и я дорожила ими так сильно, словно они были обнажённой частью моей души. Каждая прядь хранила ту версию моей жизни, какой она когда-то была, и я верила, что, если буду заботиться о них, эта версия вернётся.

Ещё в детстве мама втирала в мои волосы сладкое миндальное масло, расчёсывала их, пока они не заструились по моей спине, словно беззвёздное ночное небо. В те дни она рассказывала мне сказку о Рудабе, персидской принцессе, чьи волосы были словно река ночи, которой она позволяла разливаться по крепостной стене, чтобы её возлюбленный, король Зал, взбирался по ним в её покои.

– Ты моя драгоценная сказочная девочка, – как-то сказала мама.

Это было до того, как она стала работать дополнительные смены, а под глазами залегли тени. Когда мы переехали в Хок Харбор, я всё ещё держалась за мечту, что однажды всё станет как раньше. И первую неделю в новом доме я хранила свои надежды в каждом узелке, в каждом колтуне своих немых нерасчёсанных волос.

Я хотела, чтобы мама поругала меня, вздохнула, посадила перед собой, упершись коленями мне в спину. Хотела, чтобы она расчёсывала мне волосы и напевала вполголоса, держа в зубах шпильки. Но привлекла я не её внимание – его. В конце той первой недели я сидела за столом во время завтрака, и Юпитер присвистнул.

– И откуда только взялось это маленькое дикое создание? – Он рассмеялся, дразняще улыбнувшись моей маме, но, когда посмотрел на меня, его улыбка не соответствовала его взгляду.

Воздух в уголке для завтрака стал влажным и спёртым. И хотя мне было жарко в моей толстовке и пижамных штанах, я хотела, чтобы мои волосы были достаточно длинными и смогли поглотить меня целиком.

Юпитер облизнул губы ярко-розовым языком.

– У тебя такие длинные волосы, что я могу завязать ими глаза и всё равно тебя не найти.

Моя мать сидела в кресле, притянув к груди костлявые колени, на которых балансировала её кружка с кофе. Когда Юпитер заговорил, она хлопнула ладонью по столу и поднялась так резко, что я вздрогнула.

– Почему ты *всегда* позоришь меня, Лазурь? – Схватив меня за руку, она потащила меня через коридор в ванную и прорычала: – Ты выставляешь меня в дурном свете. Посмотри на себя. Твои волосы... *отвратительные*. Я урабатываюсь до смерти, чтобы о тебе позаботиться, а ты не в состоянии позаботиться о себе самой?

Она выпустила мою руку, тяжело дыша, и толкнула меня в ванную.

– Либо заплети их в косу, либо отрежь, – заявила она, хлопнув дверью.

С тех пор я никогда не распускала их дома. Но в Доме Грёз Индиго настаивала на этом. Только тогда я позволяла их ароматной тяжести укрыть мои плечи.

– Это похоже на магию, – говорила она, касаясь тёплыми пальцами моей головы. В её голосе были тоска и напряжение. – Уверена, это *и есть* магия...

Я всегда хотела, чтобы в моей жизни была магия, но тем субботним утром, зимой моего тринадцатого дня рождения, я больше не хотела волшебства. В тот день я оделась как обычно, чтобы отправиться в Дом Грёз. Я не спрашивала у матери разрешения. И вообще старалась не упоминать при ней Индиго, потому что в те моменты её лицо искажалось, а голос становился

шёлковым и ядовитым: «Снова бежишь в дом мисс Кастеньяды? Милая, она будет считать, что ты слишком прилипчивая. Никому не нравятся прилипчивые девочки».

И как бы моя мать ни морщилась, произнося имя Индиго, я знала – она тайком благодарна за мою подругу. Ведь без Индиго я бы оставалась дома.

С ней. С Юпитером.

В такие дни я чувствовала, как тень Юпитера, прожорливая и липкая, цепляется к моей коже, неважно, куда я шла. Когда я открывала дверь в ванную, он был там, улыбающийся, удивлённый, с полотенцем, обёрнутым вокруг пояса. И тогда я вынуждена была смотреть на него, втискиваясь в узкое пространство, большая часть которого была занята им.

Я ненавидела смотреть на него.

Юпитер был высоким, худощавым, с узкими плечами и тугим затвердевшим мешком плоти вокруг пупка, напоминавшим мне яйцо. Он был цвета зуба. Вот каким я его считала. Длинный человек-клык, и моя мать была нацеплена на него, как кусок застрявшего мяса.

Но его лицо было иным.

– Лицо суперзвезды, – говорила моя мать, подаваясь вперёд, чтобы погладить его по щеке.

У Юпитера были прямые белые зубы, квадратная челюсть, жёлтые волосы до плеч и серые глаза с тяжёлыми веками, придававшие ему неизменно сонный вид. В доме Индиго были картины с лицами ангелов, на которые я не могла смотреть, потому что эти лица слишком напоминали мне его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.